

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ЧИСТИЛИЩЕ ДЛЯ
ГУРОВА**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Чистилище для Гурова

«Научная книга»

2012

Леонов Н. И.

Чистилище для Гурова / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2012 — (Полковник Гуров)

Это серийное убийство даже выдавшего виды сыщика Гурова привело в состояние шока. Тринадцать трупов – и все сотрудники правоохранительных органов! Едва начав расследование, полковник Гуров вышел на восемнадцатилетнего парня Алексея Солнышкина, бывшего детдомовца, недавно осужденного якобы за преднамеренное убийство девушки. Изучая личное дело Алексея, беседуя с людьми, которые его близко знали, Гуров приходит к выводу, что уголовное дело в отношении Алеши было сфабриковано. Но кем? Расследование выводит полковника на человека из высших эшелонов власти...

Содержание

Понедельник	5
Вторник	15
Среда	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Леонов, Алексей Макеев

Чистилище для Гурова

Понедельник

Даже самый длинный отпуск когда-нибудь да кончается. Полковник-«важняк» Лев Иванович Гуров провел его с женой Марией Строевой, народной артисткой России, на море, где впервые за многие-многие годы отдохнул всласть. Его друзья: пребывавший в том же звании и должности Станислав Васильевич Крячко и непосредственный начальник генерал-майор Петр Николаевич Орлов, зная о том, насколько его вымотали два последних дела, – ни разу не побеспокоили его даже звонком. И вот сейчас Гуров, посвежевший и загоревший, ехал на работу, по которой успел соскучиться, и даже не подозревал, что злодейка-Судьба уже подкинула ему очередное дельце, да не простое, а с выкрутасами!

В их со Стасом кабинете, где они, несмотря на наличие трех столов, работали вдвоем, сидя напротив друг друга, на его, гуровском, столе громоздилась гора папок, а Крячко встретил его с виноватым видом, только что слезу не пустил – впрочем, пройдоха это был еще тот, и его штучки-дрючки всерьез воспринимать не стоило.

– Это что за Монблан? – поинтересовался Лев.

– Это, Лева, серия! – вздохнул Крячко. – От нее уже всю Москву трясет.

– И кроме нас, конечно, никого больше не нашлось! – возмутился Гуров.

– Кроме тебя, родимый! – снова вздохнул Стас.

– В смысле?

– В самом прямом! Когда моя благоверная узнала, что Петр отпустил тебя отдыхать на всю катушку, она закатила мне такой скандал, какого и в молодости себе не позволяла. А потом решила, что этого недостаточно, а поскольку не зря столько лет моей боевой подругой была, то субординацию правильно понимает.

– Короче! – не выдержал словоблудия друга Лев.

– Как прикажете, господин полковник. Маленького завсегда обидеть можно! – с сокрушенным видом поник головой Стас. – Так вот, сюда она к Петру сунуться не посмела, а вот к нему домой заявиться – запросто! И ушла она оттуда только после того, как он ее клятвенно заверил, что отпустит меня в отпуск, с учетом всех отгулов, точно так же, как тебя, лишь только ты на службу выйдешь, и, как и тебя, беспокоить не будет. Так что пост сдал!

– Значит, эту серию на меня одного сваливаешь? – Не ожидавший такого предательства, Гуров в первый момент даже растерялся, что случилось с ним довольно редко.

– Лева! Пойми! Вопрос стоит уже о разводе, разделе имущества и прочем, – сразу став серьезным, ответил Крячко. – Ну, продержись без меня хоть дней десять! Ну, хоть неделю! А там она успокоится, я вернусь и подключусь! Если совсем туго станет, вот тебе телефон Трофимыча – это был участковый в той деревне, где Крячко купил дом, в просторечии именуемый дачей, – и Стас положил на стол листок бумаги: – Звони ему, и я тут же на все плюну и примчусь.

– Что ж не тебе самому? Или твой сотовый уже у жены? – невинно поинтересовался Гуров

– Да! – отвернувшись, буркнул Стас. – И вообще она меня внизу в машине ждет. Заготовки на зиму, видите ли, делать надо! – сорвался он на крик.

– А вот об этом, – ткнул в кипу папок Лев, – ты ей сказал?

– Естественно! Только она и слышать ничего не хочет! Орет, что наша работа никогда не кончится, а ей хоть на старости лет муж нужен дома!

Гуров знал жену Стаса очень давно, но что она на такие вещи способна, даже не подозревал. «Обманчива, однако, бывает внешность», – горько подумал он.

– Это еще не все, – немного успокоившись, продолжал Крячко. – Тебе тут еще студентов-практикантов дали.

– Мне?! В такой момент?! – удивился Лев. – И чья же светлая голова до этого додумалась?

– Да уж не Петра! Он, как мог, отбивался, но не получилось.

– Ладно! Иди! Не стоит заставлять жену ждать! – попытался успокоить Стаса Гуров. – Иди-иди! Отдыхай в свое удовольствие! А я сам справлюсь, мне не впервой!

Потоптавшись возле двери, Крячко наконец покинул кабинет. Лев сел за свой стол, взглянул с ненавистью на папки и задумался, а смог бы он бросить друга в трудную минуту, даже если бы Мария грозила ему разводом? Да нет! Он бы выбрал друга, который не раз ему спину прикрывал, потому что мужская дружба – это святое! Но раз Стас решил иначе – это только его дело! Выбросив все эти мысли из головы, Гуров потянул к себе первую папку, но тут же поднялся, потому что нужно было срочно решить вопрос с этими студентами-практикантами, возиться с которыми сейчас у него не было ни времени, ни желания. Он отправился к Орлову. Что собой представляют студенты престижного юридического факультета МГУ, Лев себе хорошо представлял – приходилось читать там несколько лекций, и впечатление у него после этого осталось самое отвратительное, потому что навешанные на них «цацки-ляльки» стоили больше, чем его квартира, вместе с обстановкой и машиной в придачу! А уж скучающее выражение их лиц приводило его просто в бешенство! Эти сынки и дочки звездных папаш или просто родителей с тугими бумажниками и многомиллионными счетами приезжали на занятия только для того, чтобы поделиться впечатлениями, рассказать друг другу последние новости, словом, пообщаться днем перед очередной вечерней, переходящей в ночную, тусовкой. Но одно дело – посмотреть на них мельком, и совсем другое – возиться с ними, пытаться вбить в их пустые головы хотя бы зачатки каких-то разумных мыслей, и ежедневно общаться! Вот этого ему совершенно не хотелось!

В приемной Орлова было не протолкнуться, причем стояли там именно те молодые люди, которых он от всей души ненавидел. «Наследнички, мать их!» – подумал Лев, грубо проталкиваясь через эту толпу, и, даже не взглянув в сторону секретарши, вошел в кабинет. А та и не подумала его задержать, потому что знала не первый день: с таким выражением лица Гурова не остановили бы даже танки, и предпочла не нарываться – Орлов с полковником уж как-нибудь сами между собой разберутся. В кабинете кто-то был, но Лев, даже не посмотрев в его сторону и не здороваясь, резко спросил:

– Петр! Что за дела?

– А приветствовать старшего по званию в главке уже не принято? – раздался ехидный голос, и Гуров, повернувшись, увидел генерал-майора Сергея Георгиевича Сучкова, который уже около года был начальником одного из управлений их министерства.

– Сучок! Это ты-то начальство? – обрадовался он, потому что нашелся тот, на кого можно было сорваться и выплеснуть бушевавшую в душе злость. – Из тебя такое же начальство, как из дерьма конфетка!

Орлов сидел, не только закрыв глаза, но и прикрыв их рукой, – Гуров есть Гуров, от него и в бункере, на случай ядерной войны выстроенном, не убережешься. А Лев, тем временем уже спокойнее, потому что немного разрядился, обратился к Орлову:

– Насчет серии я все понимаю. Насчет того, что ты Стаса в отпуск в такой момент отпустил, мы с тобой потом наедине поговорим. А вот откуда эти студенты-практиканты на мою голову взялись?

– Полковник Гуров! – Сучков самонадеянно решил, что его новая должность поможет ему поставить зарвавшегося Льва Ивановича на место. – Ведите себя пристойно, если вы пони-

маете значение этого слова. А идея с практикантами принадлежит мне – должны же вы передавать подрастающему поколению свой опыт.

– Сучок! У тебя сезонное обострение или моча так резко в голову ударила? – с новой силой напустился на него Гуров. – Опыт? Кому? Этим недоноскам, у которых в голове даже не пустота, а вакуум? Да! Пара толковых ребят, чтобы на подхвате пахали, мне сейчас не помешала бы, но не эти же глянцевые полудурки! Хотя полудурки – это слишком мягко! А остальным ты сам свой опыт передавай! Только чему ты их научить можешь, если начинал с оперов, да только ни одного дня ножками не бегал, а исключительно по профсоюзно-партийной лестнице вверх полз со ступенечки на ступенечку, всем вышестоящим по дороге ботинки облизывая! Ты наверно дополз? Дополз! Вот и прижухни там, чтобы тебя не было ни видно ни слышно! Ты какого черта полез в дела, в которых ни хрена не смыслишь? Инициативу решил проявить? Чирей на заднице выскочил и спокойно сидеть не дает?

– Полковник! – уже истерично заорал Сучков.

– Ты, мразь, запомни! Я для тебя на всю твою оставшуюся жизнь – гос-по-дин полковник! – яростно, четко и раздельно произнес Гуров. – А теперь, – подошел он к дверям и распахнул первую, внутреннюю, а вот вторая, внешняя, как оказалось, оставалась открытой, а поскольку разговор велся на очень повышенных тонах, то в приемной все было слышно, но Льва это не смутило, его сейчас, в таком состоянии, ничего бы не смутило, – пошел вон отсюда! И этих клоунов с собой заведи! Или мне тебя выводить?

– Мы продолжим этот разговор в другом месте! – пригрозил ему багровый от ярости Сучков, бочком протискиваясь мимо него в дверь.

– Да хоть в кабинете министра! Я не против! – заверил его Гуров. – И вообще у меня приступ радикулита, и я прямо отсюда к врачу отправлюсь! А серию эту пусть кто-нибудь другой разгребает!

– Ты! Полкаш гребаный! Ты че себе позволяешь? – бросился к нему какой-то «наверсаченный» черноволосый парень.

– Милай! – обрадовался Лев, делая приглашающий жест рукой. – Прошу! Нападай! И у меня будет чистая самозащита! Ручки-ножки в детстве не ломал? Пора-а-а!

Парень на это только зло ощерился, Сучков же, не произнеся ни звука, вышел в коридор, за ним потянулись и остальные. Гуров не стал дожидаться, пока все уйдут, и вернулся в кабинет.

– Лева! – горестно покачал головой Петр. – Ну что ты творишь? Я же еле-еле тебя отбил!

– От кого-чего? – опускаясь в кресло, устало поинтересовался Гуров. – Он уже выпустил пар и немного успокоился.

– Ты что в Чернореченске наделал? Там же нарушение на нарушении! Как мог ты, полковник, поручить возглавить следствие капитану?

– Но он ведь справился! – возразил Лев. – А победителей не судят!

– Ладно! Вы на сколько суток имели право задержать Женьку? Ась? – Орлов приложил руку к уху, якобы в ожидании ответа. – А сколько он у вас просидел? И ведь не в ИВС, а в подвале! А адвоката вы ему пригласили? Ведь с момента задержания должны были! Может, вы прокурора уведомили? Так ведь тоже нет!

– И кому же это не понравились результаты нашей работы? – поинтересовался Гуров. – Может, Женька жалобу накатал?

– Нашелся анонимный источник, который все ваши художества живописал и прямиком в министерство отправил. Сафронова теперь шиш кто тронет – губернатор! Да и Порошин со своим родственничком подсуеются! Никитин – без пяти минут сафроновский зять! Кто у нас крайним остается?

– Понял я, чьих рук это дело, – кивнул Лев. – Вот позвоню я кое-кому в Чернореченск, они эту дамочку из-под земли достанут, и пусть она тогда всем богам молится, чтобы смерть у нее была быстрая и легкая!

– Мы с тобой оба знаем, что ты этого не сделаешь, – вздохнул Орлов. – В министерстве я тебя отстоял! Все урегулировал! Так ты тут с Сучком сцепился! Ну что? Тебе трудно было его генерал-майором назвать? Ну, что ты вечно приключения ищешь? Угробите вы меня, кто тебе спину прикрывать будет?

– Теперь, кроме тебя, уже некому, – буркнул Гуров.

– Это ты про Стаса? Что он в отпуск ушел? – догадался Петр. – Да, его жена мне в моем собственном доме такую истерику закатила, что я не знал куда деваться! Оказывается, мы с тобой изверги и кровопийцы! Ее Стасик уже и на человека-то не похож – одна тень осталась! У меня, дескать, всегда Гуров на первом месте, а на ее мужа мне плевать! Ей-богу, орала так, что соседи стали в дверь звонить и интересоваться, что у нас случилось. И причитала до тех пор, пока я ей не дал слово, что отпущу Крячко в отпуск на полную катушку, как только ты из него вернешься. Он уже и заявление написал, и приказ был подписан, когда вдруг эта серия нам на голову свалилась.

– Откуда она вообще взялась?

– А откуда они все берутся? – снова вздохнул генерал. – Сам знаешь, Москва – город беспокойный. Ладно бы это были разбойные нападения – с ними все понятно, но ведь у наших потерпевших ничего не взято: и деньги, и часы, и мобильник – все на месте. Только труп с ножом в груди – и все! Ни тебе следов! Ни тебе отпечатков! Так чисто, что аж противно делается! А потом какой-то умник сопоставил, что способ убийств один и тот же, вот так эта серия на свет божий и вылезла, и к нам попала! Крячко попробовал с этим разобраться, но ты сам знаешь, что у него не твоя голова. Стас сгоряча пообещал мне, что не уйдет в отпуск до тех пор, пока вы с ним это дело не закроете, а наутро пришел, в глаза не смотрит и говорит, что жена ему уже чемоданы собрала и вопрос ребром поставила: либо отпуск с сельхозработами, либо развод.

– Ладно! С серией я сам как-нибудь разберусь, – отмахнулся Гуров. – Я пока все его вещи в коробку соберу и на шкаф поставлю, а когда он из отпуска выйдет, ты его от меня переседи куда-нибудь. Или меня от него.

– Лева! Так нельзя! Ты максималист, у тебя есть только два цвета: белый и черный, а ведь еще и серый бывает, – попробовал как-то отговорить его Орлов.

– Петр! Ты меня знаешь! Я бы, случись с ним чего, не раздумывая, на Северный полюс махнул, и никакая жена меня не удержала бы! А он? Видно, действительно людям со мной очень трудно, раз он не выдержал. Я его не виню, он такой, какой есть, только мне с ним больше неинтересно.

– Ладно! Иди! А я позвоню в министерство и попробую все разрулить. Скажу, что у тебя был нервный срыв по какой-нибудь личной причине, – пообещал Орлов. – Ты, главное, с серией этой побыстрее разберись, а то весь город лихорадит. И по телевидению нас склоняют все, кому не лень, а там все жутко активные и работающие – им же за «чернуху» деньги платят. Все запросы и так далее – за моей подписью, а я еще и звонком продублирую, чтобы волокиты не было.

– Ну, тогда я пойду дела изучать, – сказал Гуров и, выйдя из кабинета, увидел в приемной двух поднявшихся ему навстречу парней лет под тридцать, одетых явно с вещевого рынка, то есть к студентам-практикантам никакого отношения не имеющих.

– Мы к вам, господин полковник, – произнес один из них. – Вы же сами сказали, что вам потребуется пара парней, чтобы пахали.

– Вы с юридического? – удивился Лев.

– Да, после армии по квоте поступили.

– Что же вас туда понесло?

– А чтобы таких, как те, – кивнул парень на дверь, имея в виду вышедших вслед за Сучковым клоунов, – хоть на два человека меньше было.

– Ну, раз так, то оформляйте документы, и я вас беру. Меня в кабинете найдете.

Гуров пошел к себе и начал читать дела, хотя, чего там было читать в этих тоненьких папочках? Незаметно появившимся в это время парням он, не отрываясь, ткнул пальцем в сторону стульев, куда они и сели. Но вот он закончил, посмотрел на них, и оба тут же подскочили и представились – Павел и Виктор.

– Ну, а я – Лев Иванович. Итак, мы имеем серию убийств. Жертвы: начальник районного управления внутренних дел, следователь того же управления, прокурор, судья, парень с девчонкой – оба героиновые наркоманы. Есть еще семь человек, которых мы, чтобы не заморачиваться с фамилиями, обозначим так: старик, артист, автослесарь, банкир, инженер, врач и туристка. Их всех **пока**, – выделил Гуров, – объединяет только одно: способ, которым они были убиты. Это удар обычным кухонным, но заточенным до бритвенной остроты, ножом в сердце, причем удар с некоторой натяжкой можно назвать профессиональным. Ножи абсолютно новые, ими ничего до этого не резали, и отпечатков на них вообще нет. Что вы думаете по этому поводу?

– Это не маньяк, – уверенно сказал Павел.

– Ну да! – поддержал его Виктор. – Тот заиклен на какой-то определенный вид жертвы, например, молодые блондинки или что-то в этом роде, а тут полный разноплас.

– Ну, тогда читайте дела, только молча, а потом поделитесь своими соображениями, – предложил Гуров.

Ребята быстро забрали дела и углубились в их изучение, а он, откинувшись на спинку стула, стал размышлять, но совсем не о деле, потому что уже все понял, а о том, насколько падает профессионализм. «Вот уйдем мы, старики, а кто придет нам на смену? Эти гламурные мамини и папины детки? Да им и в голову не придет, что работать нужно начинать именно на земле! Именно там опыта набираться! А они все сразу хотят в большие начальники попасть! И, что самое печальное, пользуясь родительскими деньгами и связями, попадут! Господи! Что же тогда в России будет? И где найти тех настоящих, которые хотят и умеют работать? Или, точнее, хотят научиться работать! А главное, честных! В дни моей молодости таких было подавляющее большинство, хотя подлецы все же встречались, а сейчас? Вот попался мне, к счастью, Володька Никитин, в Чернореченске Костя со своими ребятами... Так ведь они скорее исключение, чем правило!» Вот такие невеселые мысли одолевали его, под еле слышное перешептывание парней, когда раздалось осторожное покашливание.

– Я так понял, вы готовы говорить, – повернул он к ним голову. – Слушаю.

– Лев Иванович! Мы думаем, нужно постараться выяснить, что при жизни могло связывать этих людей, опросить их родственников, соседей, знакомых, – начал Павел.

– Кроме того, надо узнать, куда поступают в продажу такие ножи, потому что завод-изготовитель уже известен, а потом выяснить, кто их купил, потому что тринадцать ножей, может, и больше, это уже не шутка, такое невозможно не запомнить, – подхватил Виктор.

– Верным путем идете, товарищи, – усмехнулся Гуров. – Вам объясняли, как нужно писать план оперативно-разыскных мероприятий? – Парни дружно кивнули. – Вот и творите! Может, еще какие пункты туда включите. Но придется вам его пока от руки писать, потому что за свой компьютер я вас не пушу, за тот, – он показал на компьютер Крячко, – тоже. А также составьте запрос по поводу ножей на завод-изготовитель, но отнесите его секретарю генерал-майора Орлова, которая его и напечатает, и подпишет у начальства, и отправит – так быстрее будет. А я пока позвоню в техотдел, чтобы вам выдали по диктофону. Они будут числиться за мной, так что вы уж с ними поаккуратнее, а то из моей же зарплаты вычитать будут.

Парни, согнувшись над листом бумаги и постоянно перешептываясь, писали план, а Гуров, как и обещал, позвонил в техотдел, а потом просто сидел и наблюдал за ними. А что? Вдруг из них выйдет толк? Ребята вроде неплохие! Закончив, они протянули ему листки, и Лев их внимательно просмотрел. Конечно, сплошной детский лепет, но все приходит со временем.

– Вот и хорошо! – сказал он, убирая план в стол. – Теперь следующее: где живете?

– В общежитии, конечно!

– Про тайну следствия слышать доводилось?

– Лев Иванович! – укоризненно посмотрели на него парни.

– Только не надо изображать из себя несправедливо отшлепанного ребенка, – жестко проговорил Лев. – И не такие асы, как вы, прокалывались, желая показать девчонкам, какие они пробивные и крутые. А вы принимаете участие в расследовании серии убийств! Да еще под руководством самого Гурова! И это не бахвальство с моей стороны! Думаете, я не знаю, какая слава обо мне идет? Причем совершенно заслуженно! Я ложной скромностью не страдаю и прекрасно знаю, чего стою! Ну, и как после этого не похвалиться?

– Лев Иванович! Вообще-то мы оба служили в армии и присягу принимали, – серьезно ответил Виктор. – И к тому же на Северном Кавказе, где потом по контракту остались, и в антитеррористических операциях участие принимали!

– И награды боевые имеем! – добавил Павел.

– В вашем возрасте мозги отключаются ровно в тот момент, когда на горизонте появляются девчонки. Гормоны! Природа! А против них не попрешь! И дай-то бог, чтобы этого с вами не случилось! Надеюсь, вас будет сдерживать хотя бы желание получить от меня хороший отзыв о практике. Так что с этой минуты все разговоры по делу ведутся только здесь! – хлопнул рукой по столу Лев. – Если уж совсем немоготу что-то обсудить, пожалуйста на пленэр! Садитесь в парке на скамеечку, подальше от других, и говорите пока не устанете!

– Так точно! – по-военному ответили парни.

– А вот завтра прямо с утра, или, если есть желание побегать, то уже сегодня, вы и начнете обход родственников и всех тех, кого перечисляли. Теперь вопрос: как вы думаете, зачем вам диктофон?

– Чтобы не упустить что-нибудь, потому что в разговоре может промелькнуть какая-то на первый взгляд мелочь, а потом выяснится, что это очень важно, – ответил Павел.

– Да и трудно будет удержать в памяти столько информации сразу, – добавил Виктор.

– И то, и то верно, – согласился Гуров. – Вы придете в семьи, где относительно недавно потеряли родного человека. Как правило, родственники чувствуют себя виноватыми перед тем, кто ушел, даже если это произошло не по их вине, и им нужно элементарно выговориться! И удержать в памяти весь объем информации – трудно, а уж суметь вовремя вычленить нужное и разговорить человека именно на эту тему – еще труднее. Это дело практики, и вы этого пока не умеете. Но есть еще один аспект. Конечно, можно было бы отправить вас туда с блокнотами, но этого делать нельзя. Почему?

– Человек, наверное, не будет так откровенен, – предположил Павел.

– Ну да! Он будет подбирать слова, станет скованным, дважды подумает, прежде чем что-то сказать, – поддержал его Виктор.

– Молодцы! Все верно! У себя дома, в привычной обстановке, человек и чувствует себя свободно, и говорит так же. А если он увидит, что каждое его слово записывают, он не скажет и половины того, что мог бы, а уж некоторые сомнительные моменты и вовсе не упомянет. Учитесь разговаривать с людьми! А еще быть терпеливыми и корректными. Например, производите вы поквартирный обход дома, где произошло убийство. В одной из квартир живет глуховатая бабка, которой на ухо нужно орать. Проорали вы ей один вопрос, второй, а потом плюнули и ушли. А потом окажется, что она убийцу в глазок видела, или бабка-сплетница, которую весь подъезд ненавидит. Если вы к ней правильный подход найдете, она вам обо всех

все расскажет, и о том, что вас интересует, – тоже. Только торопить ее нельзя. Такие люди, как правило, одинокие, поэтому на весь мир озлобленные, и ей слушатель нужен, ей выговориться хочется. Вот и учитесь не слушать людей, а слышать то, что они говорят! Это две большие разницы! Ясно?

– Ясно! – дружно ответили парни, внимавшие полковнику, как оракулу.

– Полицию, прокуратуру и суд я беру на себя – не по чину вам пока туда соваться, а вот всех остальных делите как хотите, выписывайте адреса, а потом идите за диктофонами – и вперед! Когда обойдете всех, придете и отчитаетесь! В случае непредвиденных, экстраординарных ситуаций звоните мне. – Лев протянул им по визитке. – Но надеюсь, что таковых не будет! А мне запишите, на всякий случай, свои телефоны.

Парни быстро написали ему номера своих сотовых, выписали адреса и устались на Гурова в ожидании новых поручений.

– Ступайте, орлы! – усмехнулся он – Желаю удачи! – Когда же они были уже возле двери, остановил их: – Маленькая просьба: не забывайте есть – время от времени это делать все-таки надо, потому что трудовой энтузиазм – вещь малопитательная и низкокалорийная.

Ребята ушли, дверь за ними закрылась, а Гуров все продолжал смотреть на нее и думал: «А ведь они немногим старше меня, то есть того Льва Гурова, который когда-то сразу после юридического пришел в отдел к Константину Константиновичу Турилину. Только эти и более собранные, и более строгие – можно сказать, почти войну прошли! А я был ребенок домашний и ничего подобного не испытал, зато потом нахлебался горячего до слез! А вот они уже сейчас лиха хватили! Как говорится: новые времена – новые песни!»

Он плотно пообедал в столовой, а потом поехал в районное управление полиции, в котором были убиты и начальник, и следак. Вообще-то это управление еще год назад на всю Россию прославилось тем, что там на допросе насмерть забили задержанного, после чего все руководство сменилось, то есть колоду просто перетасовали: провинившихся перевели в другие районы, оттуда на их место пришли ничуть не лучшие, а мелкую сошку повыгоняли, якобы завели на нее уголовные дела, но все спустили на тормозах.

В холле управления еще висели фотопортреты убитых с черной лентой наискосок в углу, хотя по времени ее давно пора было убрать, только дела до них уже никому не было. Дежурный сидел за стеклом и азартно мусолил какой-то затрепанный глянцевоый журнал.

– Подскажите, где мне найти начальника управления, – обратился к нему Гуров.

– Расписание дней и часов приема на стене, – бросил тот, не поднимая головы.

– А мне к нему нужно сейчас, – настаивал Лев.

– Ты че, глухой, что... – Разозленный парень наконец поднял голову, сразу же наткнулся взглядом на раскрытое удостоверение Льва Ивановича, вскочил и испуганно гаркнул: – Здравия желаю, господин полковник!

– А зря ты, мальчик, Булгакова не читал, – заметил Гуров. – Там открытым текстом написано, что хамить не надо! Ну, и где кабинет начальника управления?

– Налево по коридору, господин полковник! Третья дверь по правой стороне, господин полковник!

Удрученно покачав головой, Лев отправился к начальнику, сопровождаемый бормотанием дежурного:

– Во, блин, попал!

Начальником управления оказался замотанный донельзя подполковник с покрасневшими глазами, который, увидев удостоверение Льва, даже не удивился.

– Что? Совсем паршиво? – спросил Гуров.

– По-хорошему, все управление нужно на хрен разгонять, – ответил тот. – Только откуда новых и нормальных брать? Меня сюда из соседнего района из замов перевели. С одной стороны, конечно, повышение, а с другой – лучше бы я там оставался!

– Ну, хоть немного с делами-то разобрался?

– Чем глубже в лес, тем толще партизаны! – невесело хмыкнул тот.

– То есть чем больше копаешь, тем больше дерьма всплывает, – понятиливо покивал Лев. – А что ты о покойниках сказать можешь?

– Тебе открытым текстом, или сам догадаешься? – хмуро поинтересовался подполковник.

– Не надо, я догадливый. Как бы мне оперативно-разыскные дела посмотреть, которые следак вел.

– Ты не поверишь, – вдруг как-то истерически рассмеялся подполковник, – но вскоре после того, как их одного за другим грохнули, здесь такой пожар случился, что ничего спасти было невозможно: что-то в огне погребло, а что-то пожарные залили.

– Как я понимаю, пожар был рукотворный?

– Исключительно чья-то халатность и несоблюдение техники противопожарной безопасности, – ернически ответил подполковник. – Неисправный старый, то есть еще железный, электрочайник оставили включенным в пятницу вечером, вода выкипела, а дальше – сам понимаешь. А уж что там на самом деле было – одному черту известно, потому что дело это было явно не богоугодное.

– Ну, а список дел, которые он вел за последний год, я получить могу?

– Это запросто. – Подполковник обрадовался, что хоть чем-то может помочь «важняку» из главка.

– Тогда скинь его по факсу, мне передадут, – попросил Гуров и, достав свою визитку, написал на ней номер телефона Орлова.

– Нет проблем, сегодня же сделаю, – заверил его подполковник и наконец поинтересовался: – А зачем тебе это?

– Серию поднимаю, – кратко ответил Лев.

– Ну, бог тебе в помощь! – искренне пожелал ему начальник управления.

Следующим местом, куда поехал Гуров, была прокуратура, где опять же висел фотопортрет невинно убиенного, и даже цветы под ним наличествовали. Лев посмотрел на холеное, вальяжное лицо прокурора и только усмехнулся – по его опыту, за такой внешностью частенько скрывалась порядочность второй, она же последняя, свежести. Там он опять попросил предоставить ему список дел, по которым покойный поддерживал обвинение за последний год, и, к немалому своему удивлению, очень быстро его получил, причем с произнесенным трагическим тоном комментарием:

– Ну, наконец-то хоть кто-то всерьез займется этим делом.

Сказавшая это немолодая и некрасивая женщина даже носом хлюпнула от избытка чувств, и Гуров, не выдержав, поинтересовался:

– А что за человек был покойный?

– Это был самый лучший на свете человек! Таких уже больше никогда не будет! – патетически воскликнула она.

Все ясно, подумал Гуров, влюблена она была в него как кошка, а теперь цветы под портрет ставит, но с этим уже ничего не поделаешь – женщина!

Последним учреждением, которое он наметил для себя посетить в тот день, был суд, где его опять-таки встретил при входе портрет убитого судьи, на этот раз даже в траурной рамке. Канцелярия работала исправно, так что получить перечень рассмотренных покойным дел не составило труда.

Собрав этот урожай документов, Лев вернулся на работу, но сначала заглянул в приемную Орлова за ожидавшимся его обещанным факсом. У себя в кабинете он сравнил все три списка и отправился напрямиком к Орлову.

– Ну, можешь ни о чем не волноваться, – сразу заявил Петр, – я все урегулировал.

– Это ты по поводу Сучка, что ли? – уточнил Гуров. – А когда меня подобные гниды волновали?

– Лева! Ты неисправим! Нет, чтобы сделать старику приятное и поинтересоваться, а как же вы, глубокоуважаемый Петр Николаевич, смогли это сделать? Это ведь и Гераклу не под силу!

– Господин генерал-майор! И как же вы смогли спасти мою несчастную задницу от вполне заслуженной порки? – с придыханием спросил Лев и посмотрел на Орлова таким преданно-восторженным взглядом, что тот не выдержал и расхохотался.

– Да я просто настучал первому замминистра, что Сучок не от великого ума решил повесить на тебя двадцать человек практикантов. Причем именно в тот момент, когда ты занимаешься расследованием серии непонятных убийств, в том числе и работников правоохранительных органов, а также прокураты и суда, по поводу которых перед журналюгами всех мастей наши чиновники уже отбрехиваться устали. А ты, узнав об этом, не выдержал и сорвался, потому что, осознавая всю меру возложенной на тебя ответственности, не можешь расплыть свои силы еще и на занятия с практикантами. А поскольку твою прямолинейность, доходящую очень часто до откровенного хамства, наверху все прекрасно знают, то отнеслись к твоей выходке с пониманием и пожелали всяческих успехов в расследовании, что в переводе с чиновничьего языка значит...

– Вынь да положи им супостата, и поскорее, – закончил за него Лев.

– Ну, вот! Ты и сам все знаешь! – удовлетворенно заметил Петр. – А Сучку вломили по первое число, чтобы впредь со своей самодеятельностью не высовывался! – И спросил: – Ну, как? Есть какие-нибудь мысли?

– Ага! Завалялась одна – глядишь, и пригодится, – ответил Лев Иванович, кладя перед Орловым листок. – А запросите-ка вы, ваше превосходительство, из архива суда дело за вот этим номером. Очень оно меня интересует, – и Гуров положил перед Петром еще три документа, полученных в полиции, прокуратуре и суде, в которых маркером было выделено по одной строке. – Ты веришь, что это просто совпадение, когда одинаковым способом убивают людей, занятых в одном деле?

Орлов долго и тоскливо смотрел в глаза Льву, а потом безнадежным тоном, потому что заранее знал ответ, спросил:

– Лева! Ну, почему ты не хочешь занять мое место? Одно твое слово, и я все мигом организую, а наверху только рады будут! Я бы тогда со спокойной душой ушел на пенсию и наконец-то отдохнул от нашей окаянной работы.

– Никогда! Чтобы я за других урожай шишек на свою голову собирал, политес блюл и прокладкой работал?! Я сейчас захотел послать Сучка по матери – и послал! И они там, – ткнул пальцем в потолок Лев, – это сожрали! Причем мы с тобой оба прекрасно знаем, что даже без твоего заступничества они бы это хоть и с трудом, но проглотили. Потому что я – Гуров, и личность свободная! А тогда? Нет, наверху, конечно, рады будут, потому что я управляемым стану! Меня можно будет вызывать на ковер и песочить! А я не котелок, чтобы меня песком драить! Да и потом, генеральские погоны мне не пойдут! – легкомысленно закончил он.

– Значит, я прокладкой работаю? – укоризненно покачал головой Орлов. – Что ж ты не уточнил, какой именно: водопроводной или той, что женщины иногда используют? Если первой, то я готов стерпеть, а вот против второй категорически возражаю!

– Брось, Петр! И я тебя прекрасно понимаю, и ты – меня, – невесело произнес Гуров. – Нас с тобой теперь двое осталось, надо вместе держаться.

– Лева! Не руби с плеча! – попросил Орлов. – Лично я жену Стаса понимаю, потому что ее жизнь – совсем не сахар была! Сколько ночей она не спала? Сколько валерьянки выпила? Да море, если не океан! А Стас? Да ты вспомни, сколько раз он, бросив все, тебе на помощь кидался! А уж если совсем откровенно, то у него всегда на первом месте был ты, а не семья!

Ну, сдали у бабы нервы! Столько лет терпела, а тут сорвалась! Выработала она весь свой запас прочности, ну и понесло ее по кочкам! Так что ж, расстреливать ее теперь за это? К тому же когда Стас весь свой отпуск полностью отгуливал? Хоть раз такое было? А тут все вот так сошлось! Не держи ты на него зла! Он же сейчас сам себе не рад, что в трудную минуту тебя бросил. Ему этот отдых – поперек горла!

– Не ты ты стезю в жизни выбрал, Петр, – усмехнулся Гуров. – Тебе в попы идти надо было, грехи отпускать! Самое для тебя занятие! – Он встал и, уже в дверях обернувшись, напомнил: – Дело запросить не забудь!

– Эх, Лева, Лева! – вздохнул ему вслед Орлов.

Дома Гуров с удовольствием поужинал – Мария начала потихоньку осваивать премудрости кулинарного искусства, и порой у нее, как, например, сейчас, получалось даже что-то вполне съедобное. Увидев его довольную физиономию, она спросила:

– Ну, и как тебе первый после отпуска день на работе?

– Машенька! Ты не представляешь, какое это наслаждение – послать распоследнего мерзавца к такой-то матери! – выразительно проговорил Лев.

– Левушка! – усмехнулась она. – Ты не оригинален! Я тоже порой не отказываю себе в таком удовольствии!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись – кажется, их семейная жизнь окончательно наладилась.

Вторник

Приехав на работу, Гуров в коридоре на своем этаже увидел, как тот парень, что чуть не бросился на него вчера, вышел из кабинета Богданова, работника весьма средненького, но очень услужливого. Тот его тоже увидел, издевательски усмехнулся, потом демонстративно помахал каким-то листком в файле и вальяжно прошествовал мимо. Взбешенный Лев бить ему морду все-таки не стал, а зашел в кабинет Богданова.

– Богдаша! Уж не отзывом ли о прохождении практики этот сучонок мне сейчас привет послал? – хриплым от ярости голосом спросил он.

– Лева! Ты меня взглядом не пепели! – тоже взвился Богданов. – Да! Я не Гуров! Это ты можешь любого генерала куда угодно послать, и тебе все с рук сойдет! А я обычный человек!

– Что ж ты, обычный человек, погоны надел? Шел бы в юрисконсульты! Или, еще лучше, – в адвокаты! Прогибался бы перед клиентом и немалую денгу за лизоблюдство зашибал! У тебя хоть капля порядочности осталась? О чести я уже не говорю! Может, ее звонком сверху или бабками уже выдавили?

– Да пошел ты! – огрызнулся тот.

– Как фамилия этого гаденыша? Я ему такой отзыв о прохождении практики устрою, что он с юридического ласточкой вылетит!

– Так ты же сам сказал, – удивился Богданов.

– Что я сказал? – удивился теперь уже Гуров, а потом все понял: – Так это сын Сучка был!

– Ну, да! Сучков Юрий Сергеевич. А насчет того, что ты его из универа выпрешь, даже не мечтай! Он весной старика на тротуаре насмерть сбил – пробку он, видите ли, объезжал! – так папаша его отмазал вчистую! Да и до этого за ним подобных художеств – немерено!

– Знаешь, Богдаша, а я ведь тоже генеральский сын. И отец у меня – не Сучку чета, а настоящий мужик и настоящий генерал! Только я вел себя соответственно *своему* званию и *своей* должности, а не его, то есть скромненько! И его заслугами никогда не козырял!

– Другое время, Лева! Ты же знаешь, что и я не всегда таким был!

– В паскудное время мы живем, Богдаша! И ничем хорошим оно не закончится! – бросил Лев и вышел.

У себя в кабинете он с горя сделал себе кофе, который был ему противопоказан, запасся терпением и стал дожидаться, когда ему привезут то уголовное дело, о котором он вчера говорил Орлову. Как ни странно, но доставили его из архива довольно быстро, и Гуров принялся его изучать, удивляясь тому, что дело такое тонкое, прямо-таки тонюсенькое. Едва он начал, как тут же понял, что оно не просто сырое – вода из него настоящим потоком хлестала. Сляпано оно было кое-как, но провернули его так лихо и быстро, что Гуров просто диву давался – ну, не было на его памяти такого случая, чтобы с момента задержания до приговора прошла всего неделя. Кто-то очень сильно торопился закрыть его всеми возможными способами. Но кто?

Итак, некто Алексей Алексеевич Солнышкин, родившийся 30 апреля 1993 года, возвращаясь домой, встретил по дороге девушку, с которой захотел познакомиться, но она его грубо отвергла, и они повздорили. Он, разозлившись, толкнул ее, и она неудачно упала затылком на бордюрный камень. Осознав, что натворил, Солнышкин бросился к девушке, но помочь ей было уже нельзя – она умерла на месте. Тогда он остановил проезжавшую мимо машину и попросил вызвать «Скорую помощь» и полицию. Приехавшая «Скорая» зафиксировала смерть до прибытия, а подъехавшим вскоре пэпээсникам он чистосердечно рассказал обо всем, что случилось, и после допроса в райуправлении был отпущен под подписку о невыезде. Но на следующее утро Солнышкин был взят под стражу и отправлен... А вот тут начинались настоящие чудеса, потому что в ИВС он пробыл всего несколько часов, потом суд очень оперативно дал санкцию на арест, и он был помещен уже в СИЗО. Заседание суда, причем присяжных,

состоялось через неделю, и он был признан семью голосами против пяти виновным по статье 109 УК РФ, то есть «причинение смерти по неосторожности». Но почему же он получил три года по максимуму, а не условно, что при данных обстоятельствах было бы естественно? Он же и полицию со «Скорой» вызвал, и от правоохранительных органов не скрывался, и со следствием сотрудничал, дав чистосердечные показания. Да вот только спросить теперь ни у судьи, ни у прокурора, ни у следака, ни у тех семерых, что проголосовали за его виновность, было уже невозможно – покойники почему-то разговорчивостью не отличаются. Да и те два свидетеля, парень с девчонкой, уже тоже никогда и никому ничего не скажут по той же причине. А, главное, какая «мудрая» голова додумалась направить этого ребенка для отбытия наказания в одну из нижнетагильских «черных» зон? И каким чудом ему там до сих пор удается оставаться живым – там же такого мальчика, как он, в первый же день «опетушат»? Так кто же ты такой, Алексей Алексеевич Солнышкин, Алексей – божий человек, с гор вода течет? И кто за тебя так мстит?

А что собой представляет Солнышкин? Мальчишке тогда едва восемнадцать исполнилось, детдомовский, родных – никого, но постоянная регистрация в Москве почему-то имеется. Нигде не работал, а учился в художественном училище, отсюда сразу возникает вопрос: на что жил? Гуров смотрел на его фотографии и только диву давался, потому что этого практически ребенка со светлым, открытым и доверчивым взглядом даже под прессом нельзя было втиснуть в рамки данного уголовного дела. Лев читал его показания и понимал, что Алексея кто-то самым тщательным образом проинструктировал, что нужно говорить. Адвокат? А защищал его Гурьянов, чьи услуги стоят очень недешево. Вопрос: откуда у детдомовца такие деньги? Но даже Гурьянов, при всем своем красноречии и умении убеждать, не смог добиться не то что оправдания, а даже условного срока – вещь для него совершенно неслыханная! А показания двух свидетелей, написанных как под копирку? А присяжные, которым словно глаза завязали и уши заткнули? Да их просто купили! За что они и поплатились! И все это означало только одно: кого-то выводили из-под удара, но кого? И кто? Чтобы вот так раскрутить неповоротливую машину судопроизводства, силы нужны немалые.

А кто у нас отец пострадавшей? Мама родная! Болотин Игорь Петрович! То есть нефть, газ, цветная металлургия и еще очень многое в придачу. Только на суде он почему-то громы с молниями не метал, смертной казни для подсудимого не требовал, а только хотел, чтобы восторжествовала справедливость. Учитывая тяжелый характер олигарха, это может говорить только о том, что он понял – Солнышкин просто козел отпущения, и ничего больше. Интересно, он занимается самостоятельными поисками настоящего убийцы? Скорее всего, да! Но вот к серии убийств он – никаким боком, потому что судьба детдомовского мальчишки ему до лампочки.

Убрав дело в сейф, Гуров принялся размышлять, с чего начинать. Перво-наперво – адвокат! Кто-то же его нанял и оплатил его услуги! Потом нужно будет поехать в детдом и узнать, что за человек Солнышкин. Ну, а оттуда в СИЗО – может, его сокамерники соизволят информацией поделиться. Не лишним было бы поговорить с оставшимися в живых присяжными, но это для полноты картины, и если время останется. А может, нацелить на них Павла с Виктором? А что? Это идея! Пусть тренируются! И Гуров поехал к Гурьянову.

А тот, хоть и был одним из самых дорогих адвокатов столицы, но от безделья не маялся, так что Льву пришлось довольно долго ждать в приемной, попивая очень вкусный чай в компании с очаровательной секретаршей, чей строгий костюм и еще более строгий взгляд ясно давали понять, что ее сердце, как и остальные части тела, уже заняты. Наконец адвокат освободился, и Гуров прошел к нему в кабинет. Его удостоверение не произвело на Гурьянова ни малейшего впечатления, впрочем, Лев на это и не рассчитывал – он просто представился.

– Присаживайтесь, господин полковник! – пригласил его адвокат. – Что вас ко мне привело?

– Дело Алексея Алексеевича Солнышкина. Вы его помните?
– На память не жалею, а что именно вас интересует?
– Кто был вашим клиентом, точнее, кто оплачивал его защиту? – объяснил Гуров.
– Это не тайна. Ко мне обратился директор детского дома, где вырос Алеша. Это очень заслуженный и очень больной человек, который относится к мальчику как к родному сыну. Он его у себя, кстати, и прописал, и даже свою комнату в коммуналке по дарственной на него оформил.

– Но где он взял деньги?

– Господин полковник! – укоризненно покачал головой адвокат. – Я не задаю своим клиентам таких вопросов. Он пришел ко мне, обрисовал ситуацию и спросил, сколько это будет стоить, – он человек прямолинейный. Я назвал сумму, и директор пообещал, что они ее соберут, а уже на следующий день принес деньги.

– Но вы не добились нужного результата, мальчишку осудили по максимуму, а ведь могли дать и условно, – заметил Гуров.

– Господин полковник! Вы не были на заседании, а я был. Там даже Плевако вместе с Кони ничего не добились бы. Но, чтобы не выглядеть в ваших глазах законченным негодяем, могу сообщить, что половину суммы я вернул – репутация мне, знаете ли, дороже.

– Все было решено заранее?

– Господин полковник! Вы читали уголовное дело? – Гуров кивнул. – И я его изучал! Вы, как я слышал, очень умный человек, так вот и я, простите за нескромность, не самый глупый. Что же мы с вами будем, как дети, водить хоровод вокруг елки?

– А почему не подали апелляцию?

– Вы думаете, она что-нибудь изменила бы? Кроме того, мой подзащитный от нее отказался. Думаю, ему сокамерники объяснили, сколько стоят мои услуги, и он решил не разорять окончательно своего приемного отца – давайте назовем его так.

– Тогда поделитесь впечатлением о Солнышкине. Что он за человек? – попросил Лев.

– Вы знаете, у меня две дочери. Так вот, если бы у меня был такой сын, я, с одной стороны, был бы самым счастливым отцом на свете, а с другой – самым несчастным. Потому что Алеша настолько открыт и доверчив к этому миру, что за него нужно каждую минуту бояться, как за младенца, что его приемный отец и делает.

– То есть толкнуть кого-то он в принципе не мог бы? – уточнил Гуров, хотя и сам уже все понимал.

– Господин полковник! Если на его руку сядет комар, он его даже не сдует! Что вы хотите? Алексей – божий человек, и этим все сказано.

– Но, если дело хотели закрыть, ведь могли просто осудить условно, а так как дали реальный срок, значит, его нужно было убрать из Москвы. Почему?

– Вы такой умный человек, что мне нечего вам ответить, – развел руками Гурьянов.

– А убить Солнышкина в СИЗО, что было проще простого, они не посмели, потому что тогда могли бы подумать, что это Болотин мстит за свою дочь, а связываться с ним мало кто рискнет, – продолжал рассуждать Гуров.

– Скажите, а вы читали акт судебно-медицинской экспертизы? – поинтересовался адвокат, и Лев кивнул. – Ну, и какой рост был у потерпевшей?

– Сейчас! – Гуров задумался, потом ответил: – Где-то метр восемьдесят.

– А в Алеше от силы метр шестьдесят пять, а еще он тонкий и хрупкий, как солнечный лучик, – спокойно заметил адвокат.

– То есть сбить ее с ног он просто не смог бы, – понял Лев и неожиданно задал вопрос в лоб: – Скажите, на вас давили?

– Конечно, нет! – удивился Гурьянов. – Во-первых, за меня есть кому постоять, а во-вторых, зачем, если от меня ничего не зависело?

– Тогда дайте мне, пожалуйста, все координаты директора детдома – я хочу с ним поговорить, – попросил Гуров.

Адвокат тут же нажал кнопку на телефоне и сказал:

– Девочка! Принеси мне договор с Куликовым на защиту Солнышкина.

– А вы слышали о прокатившейся по Москве серии убийств? – поинтересовался Лев, пока секретарша искала документы.

– О ней только глухой не слышал, – спокойно ответил Гуров.

– Вас это ни на какие мысли не наводит?

– Господин полковник! В моей голове одновременно столько мыслей о гораздо более важных для меня делах, что думать еще и о посторонних вещах у меня нет ни сил, ни времени.

Секретарша принесла договор, Лев выписал оттуда все данные о директоре детского дома и, распрощавшись, ушел. Он старался держать себя в руках, но взбешен был до предела. Пока не зная, что произошло на самом деле, Лев негодовал – отправить в колонию такого мальчика, как Солнышкин, настоящее преступление! И те, кто за деньги или по чьей-то злой воле приговорили его фактически к смерти, сами ничего лучшего не заслуживали. И ни малейшего сожаления по поводу их гибели он не чувствовал.

День был будний, так что Гуров поехал не домой к Леониду Николаевичу Куликову, а к нему на работу, в детдом. Предъявив охраннику удостоверение, спросил, где ему найти директора, и узнал, что тот давно уже болен, и его обязанности выполняет заместитель – Анна Степановна Золотова. К ней-то Гуров и направился, когда увидел на стене большой фотопортрет Солнышкина, а рядом с ним плакат, на котором крупными буквами было написано: «До возвращения нашего Солнышка осталось 880 дней», причем цифры были написаны на отдельном листке, который явно менялся каждый день. Большинство детей оказались на занятиях, так что в коридорах было довольно пусто, но Гуров остановил пробежавших мимо мальчика с девочкой и, показав на стену, спросил:

– Что это?

– Это наш Леша Солнышкин, – ответила девочка. – Его проклятые менты погубить хотят!

– Сволочи! – с ненавистью бросил мальчик, и они побежали дальше.

Слышавший все это охранник откашлялся и немного смущенно попросил:

– Не обижайтесь на них. Просто вы не знаете, какое это чудо – наш Алешка!

Стерпев эту ничем не заслуженную моральную пощечину, Гуров только покачал головой и все-таки направился к Золотовой. На вид Анна Степановна показалась ему классической учительницей, причем старой школы, когда преподаватели не позволяли себе никаких излишеств в одежде. Лев поздоровался, представился, и она обеспокоенно спросила:

– С кем-то из наших что-то случилось?

– Нет, Анна Степановна, я хотел бы поговорить с вами по поводу Леша Солнышкина.

Женщина закрыла глаза и, сжав руки в кулаки, несколько раз глубоко вздохнула, потом отошла в сторону, накапала себе в чашку лекарство, и по комнате тут же поплыл запах корвалола. Она немного посидела, явно стараясь успокоиться, и напряженным голосом начала:

– Алеша поступил к нам из дома ребенка – его мать в роддоме оставила. Ну, с именем проблем не было, назвали по святцам. С фамилией тоже – он же рыжий, весь в веснушках и всегда улыбается, вот и стал Солнышкиным. Вы знаете, его, даже маленького, никто никогда не обижал – ну разве можно обидеть солнышко? Его у нас здесь все любили.

– А он с кем-нибудь особенно дружил?

– Скажите, а с кем солнце дружит? – вопросом на вопрос ответила она. – Это к нему все тянутся, чтобы погреться в его лучах. Так что Алеша любит весь мир! Всех, без исключения! Всегда готов помочь, утешить, поговорить! В нем нет ни капли зависти или злости! Он чужим успехам радуется больше, чем своим! – Ее голос начал звенеть, и она все-таки, не сдержавшись, сорвалась на крик: – А вы его без малейшей вины в колонию отправили! А он там про-

сто не выживет! И его смерть будет на вашей совести! Хотя какая у вас может быть совесть?! Вы даже не знаете, что это значит! Продажные, лживые твари! Как вас только земля носит?! Для вас же самое главное – любой ценой дело закрыть! А дети Алешу ждут! Дни считают! Вы представляете, что с ними будет, если они узнают о том, что он там умер? Что они даже на его могилу никогда прийти не смогут, чтобы цветы положить? Они возненавидят всех вас, эту страну, да и нас тоже, потому что мы учим их быть честными, порядочными и добрыми, помогать людям! А это теперь никому не нужно! Теперь, чтобы выжить, надо врать, изворачиваться и предавать! Уходите отсюда! – заорала она. – Уходите немедленно, иначе я в вас чем-нибудь запущу! И вы тогда уже меня, заломив мне руки за спину, потащите в полицию, чтобы бить и издеваться! Это ведь для вас так сладко – мучить других людей! Садисты проклятые! Уходите! – Анна Степановна схватила вазу и шарахнула ее об пол. – И не смейте даже думать, чтобы пойти к Леониду Николаевичу! Он до последнего надеялся, что Алешу если не оправдают – хоть условный срок дадут! Но вам же всех растоптать надо! А у него больное сердце! Он живет только надеждой, что когда-нибудь снова увидит Алешу! И смерть Лешеньки убьет его! Вон отсюда, или я за себя не ручаюсь!

– Успокойтесь, Анна Степановна! Вообще-то я пришел сюда именно потому, что хочу доказать невиновность Алексея, – тихо заговорил Гуров, и она, потрясенно вытаращившись на него, растерянно застыла. – До свиданья!

Льва трясло от бешенства. Его еще никто и никогда так не возил мордой по столу, причем не за его, а за чужие грехи. Он прошел мимо охранника, не попрощавшись, и, когда подошел к своей машине, увидел, что у нее не только проколоты все четыре колеса, но и весь кузов исцарапан самыми неприличными словами, какие только есть в русском языке. Кто это сделал, можно было даже не гадать – детдомовцы! К ним пришел незнакомый человек, они поинтересовались у охранника, кто это, а тот ответил, что из полиции. Они, естественно, стали подслушивать под дверь Золотовой, сделали собственные выводы – и вот вам результат! Гуров достал телефон и позвонил Орлову:

– Петр! Организуй быстро эвакуатор к детдому, а то мою машину отделали так, что место ей теперь только в автосервисе, причем надолго.

– Сам-то жив? – обеспокоенно спросил тот.

– Это не ДТП, это юные неразумные вандалы постарались, – объяснил Лев...

Он забрал из машины все необходимое и пешком отправился к ближайшей оживленной улице, чтобы поймать такси. Но, прежде чем ехать в СИЗО, решил заглянуть в районный отдел образования и поинтересоваться личностью Куликова – беспокоить человека с больным сердцем он не решился. Там, узнав, что полиция интересуется личностью Леонида Николаевича, сразу же насторожились:

– А у нас к нему никаких претензий нет! И вообще с тех пор, как он стал директором детдома, там никаких происшествий не было. Да он для своих воспитанников просто отец родной!

– Вы знаете, у меня к нему тоже претензий нет, – заверил он их. – Просто мне нужно поговорить с ним об одном из его воспитанников, вот я и решил подготовиться к этому разговору и получше узнать, что за человек Куликов. А то вдруг я каким-нибудь своим вопросом его сильно разволную, а у него, как мне сказали, больное сердце.

– Интересно, какое бы оно у вас было, если бы такое пережили. Он же военным был и служил в Чечне, когда там война началась. И вся его семья – жена и двое детишек – под нашими же бомбами погибла. Тогда-то у него с сердцем все и началось! А потом еще и ранение! Комиссовали его! Только он без дела сидеть не привык. Стал себе работу искать, вот ему и предложили детдом возглавить, а он у нас, между прочим, самым проблемным в городе считался. Куликов согласился и за десять лет вывел его в лучшие! Ребятишки теперь этот дом

своим родным считают, а себя – братьями и сестрами! Когда выпускаются, и детдому помогают, и друг другу!

– Да, нелегкую работу он проделал! – согласился Лев. – А с жильем вы ему помогли?

– С коммуналкой-то? Нет, она ему от матери досталась, умерла она два года назад. Да, говорят, там все сносить будут, так что новую квартиру он получит. Если доживет, конечно. Ему же операцию на сердце нужно делать, а откуда у него такие деньги? Личное дело смотреть будете?

– Нет, спасибо, – отказался Гуров, – я уже все узнал.

Он действительно уже все узнал и теперь отправился в СИЗО, купив по дороге сигареты и на всякий случай зажигалку. Попасть к начальнику оперчасти ему труда не составило, а вот побороться за журнал – пришлось, потому что старый, которого Гуров знал черт знает сколько лет, ушел на пенсию, а новый, борзой, решил «поиграть мышцей».

– Ну, что, давайте тогда через начальство, – вздохнул Лев, доставая сотовый.

– Вы бы еще через президента попробовали, – рассмеялся майор.

– С вас и Орлова хватит, – отмахнулся Гуров. – Или вы про серию ничего не слышали?

– Так это вы ее поднимаете? – вытаращился на него майор. – Ну и привалило вам дело.

Только мы здесь с какого боку?

– А с какого нравится! Хоть с левого! Хоть с правого! – ответил Лев и заговорил в трубку:

– Петр! Я в СИЗО. Тут начальник оперчасти позу скорпиона принял... Понял! Передаю!

Следующие несколько минут он с удовольствием наблюдал, как менялся цвет лица майора, а уж начальственный рык Петра Николаевича доносился даже до него. Когда буря утихла, майор вернул сотовый Льву и безропотно достал журнал. Гуров нашел все, что ему было нужно, а потом спросил:

– Как я понял, Бур еще здесь?

– Да, осужденный Буров Алексей Панкратович еще здесь, на пересылку его через два дня отправим, а там – по этапу.

– Вот и организуйте, чтобы нам с ним свободно поговорить, – попросил Гуров.

– Выбирайте любую допросную, – предложил майор.

– Вы меня не поняли! Я сказал свободно, то есть на свежем воздухе, – объяснил Лев.

– Вообще-то, – начал было тот, но слова «не положено» предпочел проглотить, чтобы снова не нарваться на неприятности, и распорядился о встрече с заключенными.

Уже через несколько минут Гуров и Бур стояли в тюремном дворе для прогулок, где, кроме них, не было ни души.

– Гуров, ты чего по мою душу прибыл? Я тебя век не видел и еще столько же видеть не хочу, – «поприветствовал» его Бур.

– Я тебя тоже очень люблю, – ответил Лев. – Только разговор у нас пойдет не о тебе, а о Солнышкине.

– Распорядись, чтобы меня в камеру вернули, – бросил Бур и пошел к дверям.

– Стой! – приказал Гуров, но тот продолжал идти. – Бур! Я знаю, что Алеша ни в чем не виноват, и хочу это доказать.

– Между хочу и могу – очень большая разница! – резко поворачиваясь к нему, сказал Бур. – Ты влезешь, все разворошишь, а потом руки умоешь – не получилось, мол. А мальчонка пострадает!

– Бур! Ты сколько лет меня знаешь?

– А я помню? Кажись, еще при Советах пересеклись!

– Вот и ответь мне, я когда-нибудь начатое дело на полпути бросал?

– Время сейчас другое, Гуров! В мусарне сволочей всегда хватало, но чтобы столько сук, как сейчас, развелось, – такого не было!

– Мы теперь не милиция, а полиция!

– Ах ты батюшки! Большая разница! Переаттестация, блин! Кто смог заплатить, остались, а честные, у кого денег таких нет, на улицу вылетели! Нет, нам, конечно, проще! Забашлял, кому надо, – и гуляй вольно! Только что же вы таких детенышей, как Алеша, в топку бросаете? Да если б у меня только такой сын был, я бы его через всю свою жизнь до самой смерти в ладошках пронес! Да я чище него человека в жизни не видел! По сравнению с ним даже новорожденный младенец – уже грешник! Потому что Лешка – святой! А его без всякой вины на три года закатали? Что? Я, старый уголовник, это понял, а судья с прокурором и присяжные – нет?

– Бур! Я, полковник Гуров, даю тебе слово, что докажу Алешину невиновность и добьюсь его освобождения! – совершенно серьезно сказал Гуров.

– Ты наши законы не хуже меня знаешь! Ты понимаешь, чем тебе, в случае чего, отвечать придется? – глядя на Гурова тяжелым, давящим взглядом, спросил Бур.

– И знаю, и понимаю! – твердо и уверенно ответил ему Лев.

– Ну, тогда давай сядем и побазарим, – предложил Бур.

Они сели, Лев достал из кармана и протянул ему сигареты с зажигалкой.

– Эх, какой же ты ласковый бываешь, когда тебе чего-то надо! – язвительно заметил Бур, но сигареты взял и закурил. – В общем, дело так было. Алешка девчонку свою проводил и на метро пошел – там недалеко. Время было позднее, но фонари вовсю горели. И тут машина мимо него проехала – джип черный, а на заднем стекле – черт какой-то рожи корчит.

– Он случайно номер не запомнил?

– А чего это запоминать? Номер козырный! Три шестерки! Ни у одного работяги такого не будет! Как и джипа, впрочем!

– А серию и регион?

– Нет! Ну, в общем, джип вдруг притормозил, и из него девку стали выталкивать. Она, конечно, визжала, орала, сопротивлялась! Но выкинули ее все-таки! А она, как упала, так и затихла. Причем время зимнее, а она в одном платье была и туфельках.

– Именно вытолкнули, а не она сама на ходу выпрыгнула? – уточнил Гуров.

– Сказал же: вытолкнули! Алешка от ужаса сам не свой был – ему ведь даже в страшном сне такое привидеться не могло. А джип дальше поехал, только потом задний ход дал, и парень оттуда вышел, подошел к девке, посмотрел и хотел обратно в машину вернуться, чтобы уехать. И тут! О господи! И как же этот малец жить дальше будет?!

– Алексей что-то крикнул? – догадался Лев Иванович.

– Ну, да! Ему бы бежать оттуда в три лопатки или пришипиться и молчать! Он говорил, там кусты высокие вдоль дороги, а он ростом – метр с кепкой, его бы и не увидел никто! А он? Только, с другой стороны, куда от своего характера денешься? В общем, крикнул он тому парню: «Что вы делаете? Ее же в больницу надо!» Парень быстро в машину запрыгнул – и ходу! Алеша к девчонке этой бросился, а она уже мертвая. Тут он на дорогу выскочил, стал руками размахивать и какую-то машину остановил.

– Ну, а те уже вызвали и «Скорую», и полицию.

– Все так, только сначала пэпээсники приехали, а дежурного следака они уже потом дернули, когда Алеша им все рассказал. Сняли с Алеши показания, как со свидетеля, и домой отпустили. Дяде Лене, у которого он живет, Алеша ничего не рассказал – сердце у того больное, вот и не стал волновать. А утром менты приехали и его повязали. Привезли в районное управление, и тот же следователь, что его накануне отпустил, обвинил его в том, что это он девчонку толкнул, в результате чего она упала, стукнулась головой и умерла. Алеша, конечно, все отрицал, повторял, как дело было, да только кто его слушал? Странно, что не били.

– Они за полгода до этого крупно на таком случае погорели, вот и поостереглись. Вместо этого его за один день и через ИВС провели, и через суд, и к тебе в пресс-хату засунули! Или я что-то не то сказал?

– Умеешь ты, Гуров, ближнему в щи плюнуть! Да! Как бы иначе мне срок скостили? Только когда я его увидел, у меня, веришь, сердце зашлось! – Бур был вором старой формации, а такие частенько и сентиментальные, и по-своему порядочные. – Вошел он, улыбнулся, и в камере сразу светлее стало, а потом спрашивает: «Можно?» Господи! Да что ж вы, суки, творите?! Ну, подозвал я его, посадил рядом, чаю налил и спрашиваю, чего у него приключилось. А он мне все как на духу и рассказал. И понял я тогда, что нет у мальчонки выхода! Потому что, если он завтра следаку чистосердечно не признается в том, чего не совершал, то переведут его от нас, и он еще неизвестно к кому попадет. Сели мы с мужиками и стали думать, как ребятенка спасать – у нас ведь свои университеты, и УК мы не хуже следаков знаем. А потом начал я мальцу втолковывать, что ему говорить надо. А он смотрит на меня глазами своими голубыми, ресницами хлопает и все повторяет: «Дядя Леша! Но ведь это нечестно!» Чуть с ума не сошел, пока объяснил ему, что не выпутаться ему, не доказать свою правоту! Что его просто убить могут! Так он у нас под крылом до самого суда и прожил! Вот тебе истинный святой крест, Гуров! – Бур перекрестился. – Когда его на суд повезли, я переживал за него так, как и за самого себя не волновался. Все надеялся, что ему условно дадут. А тут он возвращается и говорит, что «треха». Когда он мне начал рассказывать, что да как там было, я только что волком не выл! Эх, попался бы мне этот судья, я бы его своими руками задушил, хотя «мокрыми» делами никогда не занимался.

– Не дергайся! За него уже отомстили и судье, и прокурору, и следаку, и присяжным, и лжесвидетелям, – сообщил Лев.

– Кто? – подался к нему Бур.

– Хотел бы я сам знать. Так, что дальше было? Это ты отговорил его апелляцию подавать?

– Я! Потому что понимал, что ничего она не изменит! А главное то, что народ на этап собирать начали, а на пересылке, сам знаешь, человека задавить легче, чем таракана. Или ты не помнишь, что в Челябинске в 2010-м мусора устроили?

– Помню, тогда больше десяти человек, кажется, посадили. Один только генерал Жидков не сел, потому что от рака умер.

– Вот то-то же! А здесь, в транзитке, должен был быть мой кореш, Валёк! Когда еще такой случай представится? Вот и стал я ребятенка готовить, рассказал ему все в подробностях, как и где ему себя вести надо, список написал, что с собой взять, а уж он отцу своему приемному передал. Я и с Вальком поговорил и все ему объяснил, и Алешке строго-настрого наказал во всем дядю Валью слушаться. Ну, а потом узнал, что его в СИЗО-1 Екатеринбурга направляют. Тут уж я своим тамошним дружкам позвонил и попросил подсуетиться, чтобы Алешку в хорошее место отправили.

– То есть нижнетагильская «черная» зона – это хорошее место? – воскликнул Гуров.

– А там смотрящим – Ванька-Конь! Обязан он мне кое-чем, вот я ему загодя маляву и отправил, чтобы пригрел мальчика. А еще позвонил для надежности и сказал, что Алешка мне – как сын! Он же мне не только тезка! Я же, как и он, детдомовский!

– Ну, Иван Федорович Жеребцов не столько тебе обязан, сколько твой сестре и их сыну, но это дела уже не касается, – заметил Лев.

– Змей ты, Гуров! В любую щель влезешь! – криво усмехнулся Бур и продолжил: – Так что живет там Алешка как у Христа за пазухой! Разговаривал я с ним недавно, голос у мальчика бодрый, веселый, говорит, что у него все в порядке, да и Ванька мне это подтвердил.

– Я смотрю, у вас тут только Интернета нет, – покачал головой Гуров.

– Это кто ж тебе такое сказал? – хмыкнул Бур. – Я в этом ничего не понимаю, но сведущие люди говорят, что и с ним все в порядке. Потому что за деньги, Гуров, и черти пляшут.

– Ну, и что дальше?

– А ничего! Об одном жалею, что меня не туда, а в Мордовию отправляют. Мне бы тогда за Алешку спокойнее было бы. Я же за него любому горло перегрызу!

– Чья же это машина была? Черный джип, номер – три шестерки и черт на заднем стекле, – задумчиво проговорил Лев.

– Вот ты ее и ищи! Ее хозяйина из-под удара выводили! А чтобы такое дело замутить, связи или бабки нужны нешуточные! И накрепко запомни, Гуров: если от твоих поисков Алешке хуже станет, ответишь!

– Не пугай! Я уже давно пуганый! – отмахнулся от него Лев. – Ты мне лучше вот что скажи, у тебя не было ощущения, что Алеша тебе не все рассказал? Что-то утаил?

– С чего это ты взял? – в свою очередь, спросил Бур.

– Потому что если бы хотели просто дело закрыть, то осудили бы условно – и все. А тут вкатили по максимуму и на Урал отправили, где он без твоей и Коня поддержки и недели бы не выдержал. На смерть парня отправляли! Чтобы не вернулся уже! А это значит, что он что-то знает или что-то видел!

– Если Алешка молчит, то только потому, что не за себя боится, а за кого-то другого, – подумав, ответил Бур. – Значит, припугнули его крепко, что расправятся с тем, кого он любит. А это либо отец его приемный, либо девчонка. Ее Светкой зовут, а еще Кнопкой, потому что тоже пигалица. Хотя Алешка при таком своем характере ради кого угодно молчал бы.

– А припугнуть его мог только следак, но вот у него уже ничего не спросишь, – вздохнул Гуров и, доставая блокнот с ручкой, попросил: – Слушай, напиши записку Алеше, что мне верить можно. Он ведь не знает, что следака давно в живых нет, а как узнает, может и рассказать.

Бур долго молчал, давая полковника взглядом, а потом сказал:

– Ты хоть понимаешь, что, если ты Алешку под монастырь подведешь, я тебя на дне морском найду и жизни не пожалею, но кончу?

– Я все понимаю, Бур! Пиши!

Написанную корявым почерком записку Гуров убрал во внутренний карман пиджака, да еще и застегнул его.

– Ладно! Спасибо тебе, Бур! Если тебе когда-нибудь надоест с нар на нары кочевать, обращайся, и я для тебя что-нибудь придумаю.

– Старого пса новым трюкам не научишь, – буркнул в ответ тот.

Бура вернули в камеру, а Гуров, поймав машину, поехал на работу. Под дверью его кабинета стояли Павел и Виктор, и лица у них сияли, как два новых пятака. Он впустил их внутрь, сел за свой стол и первым делом поинтересовался:

– Вы сегодня обедали? – Они растерянно переглянулись, а потом, помявшись, кивнули ему с самым честным выражением лица. – Нехорошо старших обманывать! – укоризненно покачал головой Лев. – Но на первый раз прощаю! Итак, судя по вашему оживленному виду, вы что-то узнали.

– Да, мы абсолютно всех обошли, – начал Виктор.

– И теперь знаем все! – радостно закончил Павел.

– И я знаю, – охладил их пыл Гуров. – Для этого достаточно было проанализировать список жертв. Я же вас вчера спросил, что объединяет всех потерпевших, кроме способа убийства, что же вы сразу как следует не подумали? А ведь все лежало на поверхности. Запомните, ребята, умение драться, быстро бегать и метко стрелять, естественно, необходимо, но главное оружие сыщика – вот! – постучал он себя по лбу. – И тогда бегать, стрелять и драться, может быть, придется гораздо меньше.

– Серые клеточки, как говорил Пуаро, – заметил Павел.

– Вот именно! Итак, рассмотрим наш случай. Некому человеку, располагающему деньгами или связями, по какой-то причине требуется посадить другого человека. К кому он обратится? К министру? Нет! К непосредственному исполнителю, то есть начальнику районного управления полиции по месту жительства потенциальной жертвы. Тот спускает команду вниз

следаку, и машина завертелась. Дело сляпано более или менее искусно, но его же нужно пропихнуть прокурору, который совсем не хочет потом в процессе дураком выглядеть. А раз прокурор это дело берет, значит, и он пристегнут к этой афере. Далее для подкрепления доказательной базы появляются два лжесвидетеля, парень и девушка, а поскольку они оба героиновые наркоманы, то за дозу готовы против собственной матери показания дать. Но существуют еще присяжные, вердикт которых должен быть только обвинительным, то есть как минимум семь против пяти, потому что, если голоса делятся поровну, то это трактуется в пользу подсудимого. И, наконец, судья, у которого можно легко узнать список присяжных, чтобы подкупить их. То есть судья тоже в доле, тем более что именно от него зависит сам срок, который может быть как условным, так и реальным, причем очень большим, но в пределах статьи. Вот вам и весь расклад, и весь список потерпевших.

– И вы это поняли еще вчера? – не удержавшись, воскликнул Виктор, и Гуров кивнул.

– Значит, мы все это время зря бегали? – хмуро произнес Павел.

– Ребята! Во-первых, на моем месте мог быть и другой человек, который все это сразу не понял бы, и ему действительно могла потребоваться собранная вами информация. Во-вторых, высоких покровителей у вас наверняка нет, так куда вы по окончании отправитесь? В министерские кабинеты?

– Да нет, «на землю», конечно, – хмыкнул Виктор.

– А вот там те навыки, что вы за эти два дня приобрели, станут для вас бесценным подспорьем. А теперь расскажите мне, что вы по поводу убийцы думаете.

– Лев Иванович, есть у нас кое-какие соображения, только нам бы заключения судмедэкспертизы еще раз посмотреть, – попросил Виктор. – Нам примериться надо!

– Чего? – удивился Гуров, а потом, пожав плечами, согласился: – Ну, смотрите! – и достал из сейфа кипу дел.

Парни поднялись, Виктор взял шариковую ручку, изображая из нее нож, а Павел встал напротив него. Сверяясь с заключениями судмедэкспертизы, Павел чуть приседал, уменьшая свой рост, а Виктор наносил ему удары, имитирующие удары ножом. Когда они закончили, Гуров с интересом спросил:

– Ну, и что это была за пантомима?

– Все, как я и думал, Лев Иванович! – сказал Виктор. – Я, конечно, многого пока не знаю и не понимаю, но есть вещи, в которых неплохо разбираюсь. Я в ВДВ служил, это наш удар. Правда, им еще спецназовцы и другие вроде них владеют, но вот то, что удар не поставленный, это точно.

– То есть человек его не до конца освоил? – уточнил Гуров.

– Ну, да! А еще убийц было несколько, и рост у них разный, потому что под разным углом в тело нож входил, хоть и отличался всего на несколько градусов.

– И какой вывод из этого следует?

– Тут подумать надо, – осторожно ответил Виктор.

– Ну, тогда я вам еще одну тему для размышлений подкину. Скажите, почему в каждом крупном городе есть свой Чайна-таун? – Парни обалдело переглянулись и уставились на него во все глаза. – Ну, давайте! Выдвигайте свои гипотезы, предположения... Даже самые нелепые и смешные. Нас здесь никто не слышит. Причем не стоит понимать слова Чайна-таун буквально. Это может быть объединение итальянцев, мексиканцев, таджиков, узбеков... Кого угодно. Ну, начинайте!

– Ну, когда люди приезжают в чужую страну, где существуют обычаи и традиции, отличные от их собственных, они, чтобы сохранить свою культуру, стремятся держаться вместе, – сказал Павел.

– Верно! – кивнул Гуров. – А что их еще может объединять, кроме этого?

– Ну, наверное, находясь рядом на чужой территории, они чувствуют себя более безопасно, – предположил Виктор.

– Продолжай! – подбодрил его Лев.

– То есть они всегда могут обратиться за помощью в своего соотечественнику, в то время, как, например, коренной житель этой страны не станет им помогать, – развивал свою мысль Виктор.

– Лев Иванович! Я понял, к какому выводу вы нас подводите! – воскликнул Павел. – Потому что вместе они – сила, которая способна противостоять врагу, и если обидят одного из них, то на его защиту встанут все. Потому что каждый из них в этот момент подумает о том, что в следующий раз уже он может попасть в беду, и тогда остальные придут ему на помощь!

– Слава богу! Дошло! А теперь примените все эти рассуждения к нашей ситуации. – Парни опять переглянулись, и Гуров не выдержал: – Я, что, такой страшный?

– Лев Иванович! Да просто не хочется перед вами дураками выглядеть, – смущенно признался Виктор.

– Вы уже не дураки, потому что стремитесь научиться своему ремеслу и набраться опыта, – поправил его Гуров. – Давайте! Вспоминайте все, что вы за эти два дня узнали, – все опять на поверхности лежит! Я же вам говорил: учитесь вычленять главное! Я не верю, чтобы никто из тех, с кем вы беседовали, этого не упомянул.

Парни надолго задумались, перебирая в уме все, что успели услышать, когда Павел вдруг заорал:

– Лев Иванович! Я все понял!

– Господь с тобой, Паша! Я ведь так и оглохнуть могу! – вздрогнул Гуров. – Ну, какая светлая мысль тебя посетила?

– Понимаете, вдова старика... Ну, того убитого присяжного! Она на заседании суда была! И когда он домой вернулся, страшный скандал ему закатили! Говорила, что мальчишка, подсудимый то есть, честный и добрый, и никак такого сделать не мог! Что наговаривал он на себя, потому что заставили! Что он и так жизнью обиженный, без родителей в детдоме вырос, а они его безо всякой вины в тюрьму закатали. Старик ей про деньги начал говорить, а она его – половником по голове и кричала, что не притронется к этим проклятым деньгам. А потом на них его и хоронила. Вот я и подумал, Лев Иванович, что детдомовцы, они же вроде тоже, как... Объединение какое-то... – неуверенно закончил он.

– Ты все совершенно правильно понял, Павел! Вот взять вас. У вас есть родители, бабушки-дедушки, тети-дяди, братья-сестры всевозможные. Если у вас, не дай бог, что-то случится, вам есть к кому обратиться. И тарелку супа нальют, и денег соберут, и пожить пустят, то есть не пропадете. А кто такие детдомовцы? Либо те, от кого матери в роддоме отказались, либо чьи родители погибли, либо этих родителей лишили прав на ребенка. Как бы там ни было, они все собрались там, и это место стало для них временным родным домом. Они там дружат, враждуют, дерутся, мирятся, влюбляются. А потом наступает момент, когда оттуда уходят в другую жизнь, о которой имеют очень смутное представление. Почему, выйдя из детдома, они очень часто становятся жертвами преступлений или преступниками? Потому что они не знают правил игры в этом мире. Директор детдома, где вырос этот несправедливо осужденный мальчик, за десять лет сумел сплотить детей, они себя одной семьей почувствовали, братьями и сестрами. А в любой семье старшие обычно заботятся о младших или о слабых. И, выходя в мир, они знают, что им есть к кому обратиться в трудную минуту, есть кому их защитить. Этому мальчика в детдоме любят все, без исключения, дни до его возвращения считают. На очень дорогого адвоката деньги собрали. О чем это говорит?

– О том, что за него мстят, – ответил Виктор.

– Вот именно, – подтвердил Гуров. – И дай бог, чтобы на этом все закончилось.

– Какая-то детдомовская мафия получается, – пожал плечами Павел.

– Любое преступное сообщество ставит своей целью... Что?

– Естественно, выгоду.

– А что имеем мы? Где выгода от этих убийств?

– Лев Иванович! Мне кажется, тут другой закон сработал: «Наших бьют!», – предположил Виктор.

– А вот это уже ближе! Они не нападают – они защищаются! Этот мальчик, как сказал один старый уголовник, святой, просто оказался не в тот момент не в том месте, да еще и повел себя сообразно своему характеру: не убежал, не спрятался, наоборот, сразу бросился на помощь! А его сделали козлом отпущения, и он за чужие грехи уже полгода в такой колонии находится, где и взрослому выжить трудно. А те, кто его любит, об этом знают и понимают, что шансов на его возвращение практически нет! Что парня фактически приговорили к смерти. Причем не его одного, а еще и его приемного отца, директора их детдома, который над ним как над родным трясся, потому что видел, насколько тот к жизни не приспособлен. А у мужчины этого сердце большое, и он смерть мальчишки не переживет! Какой выход был у остальных?

Гуров, прекрасно зная, что мальчишка в колонии пусть и не как сыр в масле катается, но находится в полнейшей безопасности, специально сгущал краски, желая посмотреть на реакцию парней.

– Мстить, – коротко ответил Павел. – И я их понимаю!

– Я, может, и сам так бы сделал, – твердо заявил Виктор. – Но как они все смогли узнать?

– Ребята! А детдомовцы есть везде: официанты, охранники, автослесари, водители и так далее и тому подобное. Кто-то сорвался и пошел по кривой дорожке, а кто-то, наоборот, поднялся – деньги-то адвокату уже на следующий день привезли. И, самое главное, все они понимают, что деньги сегодня есть, а завтра – нет, а вот друзья и семья, пусть и детдомовская, – это навсегда. Это могла быть простая уборщица из архива суда, которая сама из детдома, и найти общий язык им было легче, чем с совершенно посторонним человеком. А могли и просто заплатить – сейчас ведь все продается и покупается. Могли также проследить за присяжными после заседания суда, проводить до дома и уже там, у соседей или у кого-то другого, все выяснить. Кроме того, есть адвокат, обязанный рассказать своему клиенту, – а это директор детдома, – откуда чьи ноги растут. Пошли дальше. Это может быть кто-то из присяжных, у которого еще осталась совесть, и он, возмущенный поведением подкупленных коллег, рассказал об этом кому-то. А разговорить человека на нужную тему – не так уж сложно, если уметь, конечно. Одним словом, вариантов – море! И если мы трое сейчас займемся поисками источника информации, то завяжем в этом деле всеми лапами, как мухи в варенье. Учитесь вычленять главное! А то получится, как с теми ножами. Что нам даст информация завода о том, куда он отгружал продукцию? Это в советские времена можно было легко все отследить, а сейчас? Вам такое понятие, как мелкий опт, известно? Существует некая большая оптовая база, откуда частники понемногу берут товар, а потом уже более мелкие частники берут у них. Так почему где-то в этой цепочке не может быть детдомовца? И пусть он работает простым грузчиком, зато владеет информацией, кто и что купил. К этим мелким торговцам подходят самые разные покупатели и приобретают по одному ножу. Где вы концы искать будете? Опять завяжете как мухи? Как говорил Козьма Прутков – «Зри в корень!» А корень у нас не в орудии убийства, а в способе! Значит, что мы должны делать?

Парни, слушавшие его с открытыми ртами, очнулись, перевели дыхание, и Павел виновато проговорил:

– Извините, Лев Иванович, но я вас на диктофон записывал.

– Да хоть клинописью вырубай! – буркнул Гуров. – Главное, чтобы в голове что-то осталось. Итак, я слушаю ваши предложения!

– Нужно направить в детдом запрос, чтобы они предоставили нам список выпускников за последние десять лет, – начал Виктор.

– Потом выбрать оттуда только парней и направить запрос в центральный военный архив, чтобы они сообщили нам, кто и где служил, – продолжил Павел.

– И, если выяснится, что кто-то из выпускников служил в ВДВ, надо проверить их алиби, – радостно закончил Виктор.

– Господи! Да за что мне все это? – схватился за голову Гуров.

– Лев Иванович! Мы совсем тупые? – тоскливо спросил Павел.

– Будем заострять, – вздохнул полковник. – Виктор! Сколько нужно времени, чтобы научиться такому удару? Причем с учетом того, что жертвой будет не подготовленный противник, который живет в постоянном ожидании нападения, а самый обычный человек.

– Ну, я за неделю освоил, – тихо произнес тот. – Другие кто за две, кто за месяц, а были и такие, что совсем не смогли.

– А женщина так ударить может?

Тут Виктор задумался, почему-то посмотрел на Павла, который в ответ пожал плечами, и ответил:

– В принципе – да! Тут ведь важна не сила, а точное знание места, куда бить.

– Пошли дальше. Я для чего дал вам изучить уголовные дела? Для легкого развлекательного чтения? Так это не комиксы! Там даже картинок нет, ну, кроме фотографий трупов пострадавших и с места происшествия, а еще схем места преступления. Как был убит артист?

– Он вышел из театра после спектакля, попрощался с коллегами и пошел один в сторону метро, но до него не дошел, а почему-то свернул в переулок, где его утром и нашли с ножом в груди, – сказал Павел.

– Итак, начало марта, время позднее, погода неласковая. Тут бы поскорее в теплое метро нырнуть – и домой, чай распивать, а он почему-то в переулок сворачивает. Что могло заставить его это сделать?

– Ну, может, его позвал какой-то знакомый или он увидел, что кому-то его помощь требуется, – предположил Виктор.

– Человек, совсем недавно за деньги обрешивший на смерть ни в чем неповинного ребенка, вдруг бросается кому-то на помощь! Вам самим не смешно? – покачал головой Гуров. – Другие варианты есть? – И, поняв, что нет, добавил: – Даю подсказку: что было найдено рядом с трупом?

Две головы мигом склонились над уголовным делом, и Павел ответил:

– Букет цветов. Но ведь это естественно! Артисту преподнесли цветы после спектакля, и он понес их домой.

– Он, что, звезда первой величины? И потом, разве, когда он выходил из театра, у него в руках были цветы? Это кто-нибудь проверял? Но даже если ему посчастливилось получить этот веник, он его так открытым и понес бы? Нет, он его в газетку какую-нибудь завернул бы, да еще в пакет положил, чтобы невредимым домой принести. А на месте преступления что-то подобное было?

– Нет! – дружно ответили парни.

– И последнее: в позднее время в беспокойной Москве он в темный переулок с мужчиной свернул бы? Ну! Мне вам все разжевывать и в рот класть, как птенцам желторотым, или сами уже начнете челюстями работать?

– По дороге к метро его догнала женщина, сказала, что она его давняя поклонница, и вручила цветы. Он растаял, она пригласила его к себе на чашку чая, он согласился и пошел за ней в переулок. А она его там кончила, – высказал свое предположение Павел.

– Приблизительно в этом духе, – согласился Гуров. – Только это мог быть и переодетый в женщину мужчина. А теперь давайте вспомним некоторых из остальных пострадавших. Ладно там, присяжные, наркоманы или даже судья с прокурором, но вот чтобы начальник райуправления и следак, которые не один год «на земле» проработали, подпустили к себе на улице

незнакомого мужика на расстояние удара, такого в природе не бывает! И вот вам мои распоряжения на завтра, потому что сегодня я все-таки хочу попасть домой. Запросы вы напишите, но не в детдом, потому что не надо совать палку в муравейник, а в соответствующую районную структуру – пусть лучше они себе списки выпускников затребуют, а потом нам перешлют. И все это, опять-таки, за подписью генерал-майора Орлова. Далее. Пойдете к тем пятерым присяжным, которые оказались честными людьми, потому что мне надо знать, что происходило в зале суда: кто плакал, кто кричал, кто угрожал и так далее. Сопоставив их показания, мы получим целостную картину. Если останется время, вы, друзья мои, сядете и будете изучать уголовные дела по всем остальным пострадавшим в свете вновь открывшихся пусть не обстоятельств, но знаний. А теперь – немедленно как следует поесть и отдохнуть!

Парни пошли к двери, и уже возле нее Павел повернулся и сказал:

– Лев Иванович! Как же нам сказочно повезло, что вы нас взяли!

– Марш отсюда! Подхалимы! – рявкнул на них Гуров, и они шмыгнули за дверь.

Лев встал, длинно потянулся, неспешно убрал все папки в сейф и пошел к лифту. По дороге он заглянул в приемную Орлова и, поняв, что тот на месте, зашел к нему в кабинет.

– Как дела, Лева? – поинтересовался Петр.

– Двигутся потихоньку. Скажи лучше, где моя машина?

– Где же ей быть? – удивился Орлов. – В нашем гараже твоя старушка, потому что пострадала при исполнении служебных обязанностей. Обещали ее срочно реанимировать, чтобы ты безлошадным не оставался. Тебя домой подбросить?

– Знаешь, не откажусь, – согласился Гуров. – Уже успел устать так, что даже забыл про отпуск.

– Ничего, скоро опять в ритм войдешь...

– И буду пахать, как нанятый, – вздохнул Лев.

– А куда же мы от своей окаянной работы денемся?

У Марии был спектакль, так что дома Гуров в одиночестве чем-то поужинал, не разбирая вкуса, – не тем у него была голова занята, и прилег на диван. Он ясно понимал, что убийц они не найдут никогда, потому что у всех у них будет не то что железное, а железобетонное алиби, да и как их найдешь в такой массе выпускников, так что озадачил он Виктора с Павлом именно и исключительно для практики. А вот настоящим убийцей дочери Болотина ему следовало заняться вплотную, потому что за всем делом Солнышкина чувствовалась полицейская рука – ну кто еще мог бы вот так быстро и без сбоев все организовать? Тут либо своего из-под удара выводили, либо чужого, но за очень большие деньги. Эх, как же Льву сейчас не хватало Стаса! Но на нет, как говорится... Ну, и далее по тексту. А что? Все в жизни случается! Был верный друг, а потом так сложилось, что уехал навсегда. Не умирать же из-за этого? И мысли Гурова опять вернулись к Алеше. Хоть и сказал ему Бур, что с тем все в порядке, но как же у Льва болела душа за этого светлого мальчика. Вытаскивать его нужно было оттуда, и как можно скорее. Под эти мысли он и уснул.

Среда

Утром Гуров проснулся на диване и первое, что увидел, был насмешливый взгляд жены, сидевшей с чашкой кофе в кресле напротив.

– Что же вы, господин полковник, так свою супругу пугаете? Возвращаюсь я вечером, а машины возле дома нет. Ну, думаю, опять какое-нибудь серьезное дело тебе подсунули. Вхожу в квартиру, а муж наличествует! Правда, уже спящий на диване. Что случилось, Лева?

– Машина в ремонте, а дело подвалили действительно такое, что не дай бог! – ответил, потягиваясь, Гуров, и спросил: – Завтрак будет?

– Можешь даже не сомневаться! А вот машину нам пора бы поменять.

– Вот получу зарплату, приобрету пару автоматов, ограблю банк и купим мы себе «Роллс-Ройс», – пообещал Лев, направляясь в ванную.

На работу Гуров добирался на метро, а потом неспешно прогулялся пешком, потому что погода была – сплошное загляденье! Парни уже ждали его возле кабинета и, быстро составив запрос, отправились к выжившим присяжным. А Лев открыл базу данных ГИБДД и стал выбирать оттуда все черные джипы с номером «666», которых, как ни странно, набралось довольно много, причем имена владельцев были такие, что другой бы на его месте от великого почтения на колени перед монитором встал. Распечатав список, Гуров принялся самым тщательным образом изучать дело Солнышкина, но не его показания, а другие документы. Особенно его заинтересовал акт судебно-медицинской экспертизы, точнее то, что там практически ничего не было, кроме черепно-мозговой травмы. А ведь девчонка визжала, сопротивлялась, так что у нее под ногтями обязательно должно было что-то быть, а вот в акте ничего не записано, хотя вскрытие проводил не мальчик-новичок, а человек опытный и хорошо Гурову известный. Выходит, и на него надавили! Значит, придется разбираться.

Затем Лев разложил на столе карту Москвы и, сверяясь со схемой места преступления и протоколом осмотра места происшествия, стал вычислять, откуда могла ехать эта машина. Судя по тому, что девчонка была в туфлях и без шубы, они, скорее всего, возвращались из гостей, хотя вряд ли, потому что шубу или что-то другое она могла просто накинуть, а вот сапоги бы надела, чтобы до машины дойти. Только вот какие гости, если в том районе никаких навороченных коттеджных поселков или элитного жилья нет? Не к простым же москвичам эта парочка навевалась. А что еще есть по этой дороге? Театров, концертных залов и всего прочего нет, да такая молодежь туда и не суется.

Поняв, что самому ему не справиться, Лев позвонил своему давнишнему знакомому и бывшему должнику, который, однако, свой долг честно погасил, познакомив его с Марией. Ради справедливости надо заметить, что Гуров не всегда вспоминал его за это добрым словом, но случалось, что и мысленно благодарил. Телевизионщик Сашка Турин был, можно сказать, экспертом по части всяческих тусовок и ночной жизни Москвы, как ему, впрочем, по должности и положено. Услышав вопрос Гурова, какое увеселительное заведение находится дальше от центра по этой дороге, он мгновенно ответил:

– Лева! Ну нельзя же быть таким дремучим? Надо хоть немного интересоваться жизнью родного города!

– Не хаами! А то в следующий раз, когда тебя опять соберутся убивать, я спасать не стану.

– Уже умолкаю! Так вот, гений отечественного сыска! Там находится ночной клуб «Чистилище». Открылся год назад. Сначала был ажиотаж – всем же хотелось посмотреть, а вот сейчас немного поутихло, но цены по-прежнему ломовые. Правда, повернутых на этом деле людей они не останавливают, и шастают те туда чуть ли не каждый вечер.

– Ты там, конечно, был, – даже не спросил, а утвердительно заявил Гуров.

– Естественно! Это же моя работа! Но я тебе так скажу – зрелище на любителя. Лично мне одного раза хватило, и чуть не вырвало. Да ты на их сайт зайди и посмотри. Там и экскурсанты, и грешники первого круга, и второго и так далее, вплоть до ада. Названия у коктейлей такие, что от одного названия тошнит. Какие-то тряпки висят, лабиринты, хохот демонический периодически раздаётся, чьи-то вопли, и все в том же духе, а кретины от всего этого балдеют.

– Подозреваю, что не только от этого, – буркнул Лев и спросил напрямую: – Наркота?

– Немерено! Но я тебе этого не говорил, – быстро ответил Турин.

– Во сколько там эта шобла собирается?

– В восемь вечера уже все на месте, когда их шабаш начинается.

– И кто за всем этим стоит? Как ты понимаешь, меня не официальное руководство интересуется.

– Некто Шабаршин по кличке Шуршик. Тебе это что-то говорит?

– И очень многое, – недобрым голосом ответил Лев. – Следующий вопрос: что собой представляет Игорь Петрович Болотин? Размер его состояния и порядковый номер в списке «Forbs» меня не интересуют.

– Ты не поверишь, но мужик порядочный. Характер крутой, а иначе бы ничего не добился. Ни в каких скандалах ни он, ни его старший сын замешаны не были в отличие от дочери Ларисы – та еще шалава! Открой любую «желтую» газету, и она там обязательно будет. Женат вторым браком – там две девчушки... – Турин вдруг прервался и, крикнув кому-то: – Да иду я! Иду! – заторопился: – Извини, зовут! Машу за меня чмокни в щечку!

– Стой! – крикнул Гуров.

– Ну, что еще?

– Срочно откопай хоть из-под земли и сбрось мне sms-кой номер мобильного телефона Болотина, – попросил Лев.

– Это мы запросто, – пообещал Сашка и отключился.

Ну, вот все и встало на свои места: и три шестерки – число дьявола, и черт на заднем стекле, и направление, по которому двигалась машина, – явно из этого «Чистилища» в город возвращалась. Гуров открыл сайт клуба и скривился от омерзения: даже на мониторе все это производило самое отвратное впечатление. Самое же неприятное – там действительно было до черта разных лабиринтов и потайных комнат с леденящими душу названиями. ОМОНовцы, конечно, могли разнести все это в щепки, но ведь за этим тут же последует иск в суд и водопад помоев на силовые структуры на телевидении и в газетах – мол, современной молодежи не дают развлекаться, ущемляют их права. Да и законных, официально оформленных оснований для подобных действий нет – только одни подозрения некоего полковника полиции Гурова. Брать за «химы» руководство клуба и трясти, пока душа не вытрясется, тоже оснований нет. Просматривать записи с камер видеонаблюдения? Но хранятся ли они у них полгода? Оставался только Шуршик, которого Гуров знал очень хорошо и от всей души презирал, потому что это гнида, классическая, стопроцентная, хоть как эталон выставляй. Но и Шуршик знал Льва очень неплохо и имел все основания его бояться – прижатый когда-то Гуровым так, что на пороссячий визг исходил, он сдал ему киллера. Шуршик не был заказчиком – того Лев сам вычислил, он был лишь посредником. Киллера, Расула Мизоева, убили при задержании, но у него в Москве остались два брата не самых честных правил. И они очень хотели бы выяснить, кто нашел и нанял для этого дела Расула, то есть кто в конечном счете виноват в том, что он больше уже никогда не сядет с ними за одним столом. Да, Расул был преступником, но для них – брат, и все остальное значения не имело. Как говорится, он – сукин сын, но он наш сукин сын. Так что надавить на Шуршика Гуров мог в любой момент, только он еще не наступил, до этого требовалось сделать еще кое-что.

– Эх, Расея, ты, Расея! Куды ж ты котишься? – вздохнул Лев, тоскливо глядя на экран монитора. – И ведь, самое главное, что все это уже было! И декаданс, и упадничество, и увлече-

ние всякими потусторонними и мистическими штучками-дрючками! А закончилось все большой кровью! И дай-то бог, чтобы это снова не повторилось! А вот то, что Болотин – мужик порядочный, это хорошо! Это просто замечательно!

Он выключил компьютер, немного посидел, а потом резко встал и, сказав самому себе:

– Пора претворять в жизнь программу мелких шагов, – вышел из кабинета.

Путь Гурова, опять же на такси, лежал в морг. Марк Исаакович Шульц, к которому он приехал и которого знал много лет, увидев его, встретил привычной шуткой:

– Молодой человек, а вам сюда не рано?

– Марк, пошли, покурим! – предложил Гуров.

– Я давно бросил, ты давно бросил, так почему бы нам не покурить, – пожал плечами тот.

Они вышли во внутренний двор и присели на скамью.

– Марк, ты помнишь погибшую полгода назад девушку, дочь Болотина?

– Да, черепно-мозговая, а что?

– У нее больше ничего не было? Может, следы сексуального насилия?

– Чего не было, того не было, – покачал головой Шульц.

– А что было? – вкрадчиво спросил Гуров.

Тот на секунду замер, а потом, глядя на Льва очень-очень честными глазами, ответил:

– Вообще ничего не было.

– И кровь без наркоты и алкоголя? И под ногтями ничего?

– А зачем мне все это было брать на анализ, если я и так видел, отчего она умерла? – удивился Шульц.

Ну, вот все и стало понятно. Девушку привезли вечером, а опознание проводили утром. У дежурившего в ту ночь Марка была масса времени, чтобы все скрупулезно проверить – он же въедливый, как клещ, и без внимания ничего не оставит, за что Гуров его всегда и ценил. Именно поэтому, когда привезли девушку, он, еще не зная, чья это дочь, отработал по полной программе. Так что и кровь у нее на анализ взял, и подногтевое содержимое. А потом ему кто-то очень внятно объяснил, как все должно выглядеть. Шульц, будучи страшным трусом, естественно, не стал возражать, да и заплатили ему, скорее всего. Вот так на свет божий и появилось заключение о том, что причиной смерти стало очень неудачное падение девушки с высоты собственного роста. Кто это был, можно и потом выяснить, но Гуров, зная Шульца много лет, был уверен, что Марк, узнав, чья это дочь, не мог не подстраховаться – а вдруг власть поменяется, и тогда уже Болотин захочет узнать правду о том, как она погибла. И то, что Марк сейчас, глядя на Гурова, делал скорбное лицо с болью в глазах, говорило как раз о том, что Лев не ошибся. Где-то у него все это припрятано, но где именно, знал только сам Шульц, потому что, по его же словам, у них там царил такой гармидер, в котором сам черт ногу сломит! Хотя не стоит торопить события, наступит момент, и Марк все ему отдаст, естественно, не бесплатно, но Болотин от этого не разорится.

– Очень жаль, Марк, мне бы сейчас это очень пригодилось. Но на нет и суда нет! – сказал Гуров, поднимаясь.

– Будешь в наших краях, заходи! А вот приезжать не надо! – проводил его своим обычным пожеланием Шульц.

Лев самым внимательным образом изучил расписание дежурств и обрадовался, узнав, что Шульц будет дежурить в ночь с четверга на пятницу, так что время подготовиться у него еще есть. Из морга он поехал в камеру вещдоков и, поболтав со знакомыми, – за столько лет службы где их только у него не было, – попросил показать ему вещи погибшей Болотиной. Как он и ожидал, все было выдано родственникам покойной. Поболтав еще немного, Лев поехал к себе на работу. В главке сначала заглянул к себе, где взял распечатку с данными владельцев машин с дьявольским номером, а потом отправился к Орлову. Тот сразу отложил свои бумаги и, сняв очки, вопросительно посмотрел на него.

– Петр, ты среди нас самый умный! – начал Лев. – Посоветуй, что делать!
– Значит, готовишь какую-то каверзу, – усмехнулся Орлов. – Ну, что тебе в этот раз от меня надо?

Гуров кратко ввел его в курс дела, на что Петр только вздохнул:

– Значит, убийц нам не найти?

– Никогда! – уверенно ответил Лев. – А вот настоящего убийцу дочери Болотина – можно и нужно!

– Что тебе для этого надо?

– Наша машина, подойдет и «дежурка», и поручение за твоей подписью на розыск вот этого черного джипа, который якобы находится в угоне, – Гуров положил перед Орловым лист и показал, какого именно. – Я, понимаешь, иногда телевизор смотрю и точно знаю, что владельца сейчас в России нет, – он честь нашей Родины на соревнованиях в Америке защищает, причем и его супруга там же, так что здесь все чисто.

– И сунешься ты с этим поручением не куда-нибудь, а в «Чистилище», – покивал Орлов.

– Да! Если там собираются повернутые на всякой дьявольщине люди, то таких машин будет много. Вот я и потолкаюсь, с народом влегкую потолкую и попытаюсь узнать, чей же это черный джип с чертом на заднем стекле.

– Ладно, подготовлю, – кивнул Петр. – Только ты уж там поосторожнее, не мальчик все-таки.

– Так я же не один поеду, а с практикантами: пусть поучатся, а заодно, если потребуется, и кулаками помашут.

– Значит, ты решил это осиное гнездо разворошить, и чтоб мне пропасть, если уже не начал это делать.

– Петр! – укоризненно произнес Гуров. – Да я чуть-чуть, с самого краешку.

– Ох, давно ты в больнице не лежал! – вздохнул Орлов. – Ладно! Сейчас распорядюсь! А насчет машины – я тебе Фомича дам. – Фомин был бессменным водителем Петра. – Он тебе тоже не без пользы будет – наш мужик!

Гуров вернулся к себе и стал обдумывать дальше свой план, а он был очень простой – вызвать огонь на себя. И путь, который он выбрал, казался ему наикратчайшим. Болотин мужик крутой и умный, иначе бы не стал тем, кем стал. «Липу» с осуждением Солнышкина он благополучно проглотил, значит, его служба безопасности всю рыщет сама. Но что же это за служба, если они за полгода не смогли прийти к тем же выводам, к которым практически за один день пришел Гуров? А ведь денег на поиски убийцы олигарх явно не жалел, да и возможностей у него, если честно признать, намного больше, чем у Льва, который с министрами за одним столом не обедает. Вывод – его водят за нос, потому что лично он, естественно, в подробности дела не вникает, а доверяет своим подчиненным. Значит, нужно встретиться с ним, причем сделать так, чтобы инициатива исходила только от него. А уж организовать это – совсем несложно, не зря же Гуров в сыске столько лет отпахал.

Пришли парни с довольными лицами и в ответ на неласковый взгляд Гурова тут же выпалили:

– Мы ели.

– Что радует, а теперь порауйте меня еще больше. Что узнали? Но только самую суть, потому что времени у нас не так много, – предупредил их Лев и, увидев уже открывшиеся, чтобы задать вопрос, рты, пояснил: – Все потом! Итак, слушаю! Меня интересует только обстановка в зале.

– Лев Иванович! А там ничего не происходило, – начал Виктор. – Там были и люди в возрасте, и очень много молодежи, но тишина стояла мертвая.

– Только одна девочка тихо плакала, – добавил Павел.

– Да! А когда осужденного начали уводить, она закричала: «Алешенька! Я тебя ждать буду! Я тебе буду каждый день писать!» – и зарыдала. Никаких угроз, свиста, ругани в зале не было. А потом все так же спокойно встали и ушли, – сказал Виктор.

– Знаете, среди присяжных была одна пожилая женщина, бывшая учительница. Она сразу же поняла, что подсудимый ни в чем не виноват, и, когда те семеро стали во время обсуждения настаивать на его виновности, совестила их, как могла. И еще четверо тоже призывали тех семерых опомниться и не брать грех на душу, потому что в следующий раз уже их дети могут в такую ситуацию попасть, но и это не помогло. А когда огласили вердикт присяжных, а потом и приговор, и все это в полнейшей тишине, ей стало страшно до ужаса. Кстати, и судья, и прокурор, и те семеро тоже очень испугались этой тишины. Молчали, переглядывались и даже как-то сжались, словно удара ждали.

– Как говорит моя бабушка: «Собака, которая громко лает, не кусает, а вот от молчаливой жди беды», – добавил Виктор.

– Ну, вот и дождались, – констатировал Гуров. – Нечто подобное я и предполагал. А теперь к делу! Сегодня вечером мы втроем поедим...

– Операция? – восторженно воскликнул Павел.

– «Б!» – укоризненно глядя на него, ответил Лев. – Нет, это не оперативно-следственное мероприятие, а просто очень тихая разведка. В Москве есть такой дорогой элитный ночной клуб «Чистилище». В восемь часов вечера там собираются шизанутые посетители, а это значит, что вокруг будет много всяких навороченных машин. Официально мы ищем вот этот джип, – он показал им в распечатке, какой именно, – который якобы находится в угоне, а на самом деле спокойно стоит в гараже владельца – имя его вы видите. Нас же интересует черный джип неизвестной марки, но! У него на заднем стекле – морда черта, который к тому же корчит рожи.

– А я такой видел! – воскликнул Павел.

– Где? Когда? – подался к нему Гуров.

– На стоянке возле универа, только я не знаю, чей он. А когда? – Он задумался. – Да, давно уже. Точно! В зимнюю сессию это было!

– Значит, с завтрашнего дня ты поселишься на этой стоянке и не уйдешь оттуда до тех пор, пока не узнаешь, кому он принадлежал, потому что сейчас его, я думаю, уже в природе не существует, – приказал Гуров и продолжил: – На стоянке у клуба обязательно есть охранники, среди которых могут быть и ваши ровесники, которые и в армии служили, и, может, тоже на Северном Кавказе. Поговорите за жизнь и все такое. Никаких легенд, никаких сказок! Вы – студенты юридического и находитесь у меня на практике. Все! Я вас взял исключительно для того, чтобы немного натаскать. Далее. Это только мое предположение, но! Если там собираются такие шизанутые, то еще у кого-то на стекле может быть нечто подобное. Мак-си-маль-но, – подчеркнул Лев, – осторожно выясните, кто и где делает такие рожи и как их можно купить. Поймите, вы не сотрудники! Вы студенты! И на время практики за вас отвечаю я! Если с вами что-то случится, мне башку оторвут! Да черт бы с ней! Я себе сам этого никогда не прошу! Все поняли?

– Лев Иванович! Вы за нас не волнуйтесь, мы вас не подведем, – твердо заверил его Павел, а Виктор просто кивнул с самым решительным видом.

– Дай-то бог! – вздохнул Гуров и, посмотрев на часы, приказал: – Ну, вперед!

Он по дороге заскочил в приемную Орлова за поручением, после чего они спустились вниз, сели в машину и поехали. Фомич, неодобрительно глядя на сидевшего рядом с ним Гурова, тут же начал бурчать:

– И когда ты, Иваныч, уже угомонишься? Когда тебе надоест по краю ходить?

– А я не хожу, я еду, а ты меня везешь!

– Вот угробите вы Николаича, кто вам, паразитам, тогда спину прикрывать будет? К кому за защитой побежите? Не жалеете вы старика! А он ведь не железный!

– Не бухти, Фомич! Ты молодому поколению весь боевой настрой подрываешь, – попросил Гуров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.